

Восточный Архив

№ 14–15, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Восточный архив

Издается с 1998 г.

Редакционный совет

Р.Б. Рыбаков – председатель
В.И. Шеремет – зам. председателя
В.М. Алпатов
Д.Д. Васильев
Н.М. Емельянова
Л.И. Мирошников
В.С. Мясников
О.Е. Непомнин
Р.Г. Пихоя
М.Р. Рыженков
А.Л. Рябинин
А.Н. Хохлов
П.М. Шаститко
Т.Л. Шаумян

Редколлегия

В.И. Шеремет – главный редактор
В.В. Беляков – зам. главного редактора
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
И.В. Зайцев
А.Ш. Кадырбаев
М.Т. Кожекина

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Верстка

Г.М. Абишева

Журнал издается
Институтом востоковедения РАН
и Обществом востоковедов РАН.
103031, Москва, Рождественка, 12.
Тел.: (495)-621-80-03.
E-mail: ivran@orc.ru

Позиция редакции не обязательно
совпадает с мнениями авторов

При цитировании ссылка на журнал
«Восточный архив» обязательна

Подписано в печать _____
Объем _____ п. л. Тираж 300 экз.
Отпечатано в типографии Максимова
103031, Москва, Рождественка, 12

Цена в розницу договорная

© Институт востоковедения РАН
© Общество востоковедов РАН

Слово редактора. К 150-летию Парижского мира 1856 года	3
Бесов А.Г. О причинах и итогах Крымской войны 1853–1856 годов	5
Шеремет В.И. Записки участника Дунайской кампании 1854 года	11
Кулаков А.А. Дунайские княжества во время австрийской оккупации 1854–1855 годов	19
Кадырбаев А.Ш. Россия на каспийских рубежах: от эпохи Екатерины II до Крымской войны	26
Титов И.В. Мусульманские воинские формирования в составе Польской армии в 1813 году	38
Королева О.А. Китайское право как историографический материал	45
Ильшев П.В. История одного письма. Прошение японских преподавателей школы японского языка в Петербурге 1751 года.....	50
Хохлов А.Н. Журналист-востоковед С.Н. Сыромятников и его материалы о Корее конца XIX – начала XX века	52
Кадырбаев А.Ш. Народы Приаралья в середине XIX века По письмам А.И. Бутакова 1848–1849 годов	65
Арсланова А.А. Персидские исторические рукописи в собрании научной библиотеки Казанского государственного университета	72
Зайцев И.В. Письменная культура Крымского ханства	87
Лотменцев А.М. Османы под стенами Градца	94
Якушев М.И. Первый патриарх-араб на Антиохийском престоле	99
Арапов Д.Ю. Российские мусульмане и Турция в начале XX в. ..	107
Беляков В.В. "Русский город" в Сиди Бишр (1920–1922 гг.) (окончание)	113
Тихонов Ю.Н. Новые документы о работе Туркестанского бюро Коминтерна в 1922 году	122
Длужневская Г.В. Деятельность Академии истории материальной культуры в области востоковедения в 1919–1940 годах	128
Беляков В.В. Египетские архивы "on line"	139
Научная жизнь. Аверьянов Ю.А. У коллег-востоковедов в Душанбе и Самарканде	141

Oriental Archive

No. 14–15, 2006

CONTENTS

Editor's notes. 150 years for the Paris peace treaty of 1856	3
BESOV Alexander. On causes and results of the Crimean War (1853–1856)	5
SHEREMET Vitaliy. Diary of a participant of the Danube campaign (1854)	11
KOULAKOV Alexey. Danube states under Austrian occupation (1854–1855)	19
KADIRBAEV Alexander. Russia in the Caspian region from Catherine II to the Crimean War	26
TITOV Igor. Muslim military units within the Russian “Polish” army in 1813	38
KOROLYOVA Olga. Chinese law as a historical source	45
YLISHEV Pavel. Story of a letter. Petition of the Japanese teachers of the Japanese language school in Petersburg in 1751	50
KHOKHLOV Alexander. Russian journalist on Korea at the end of the XIX and the beginning of the XX century	52
KADIRBAEV Alexander. Peoples of the Aral region in the middle of the XIX century	65
ARSLANOVA Alsu. Persian historical manuscripts at the library of the Kazan State University	72
ZAYTSEV Ilya. Written culture of the Crimean Khanate	87
LOTMENTSEV Andrey. Ottomans at the walls of the city of Gradets	94
YAKOUSHEV Mikhail. The first Arab patriarch of Antiokhia	99
ARAPOV Dmitriy. Russian Muslims and Turkey at the beginning of the XX century	107
BELYAKOV Vladimir. “Russian Town” in Sidi Bishr (1920–1922) (the final part)	113
TIKHONOV Yury. New documents on activities of the Turkestan Bureau of the Comintern in 1922	122
DLUZHNEVSKAYA Galina. Orientalist activities of the Academy of history of material culture in 1919–1940	128
BELYAKOV Vladimir. Egyptian archives on line	139
Scientific contacts. Meeting colleagues in Dushanbe and Samarkand. By Yury AVERYANOV	141

Слово редактора

К 150-ЛЕТИЮ ПАРИЖСКОГО МИРА 1856 ГОДА

В марте 2006 г. исполнилось 150 лет одному из самых бесспорных, как казалось десятками лет, и, возможно, одному из наименее понимаемых мирных договоров России с внешним миром. Еще современники в 1850-х – 1860-х гг. расценили Парижский мирный трактат от 18 (30) марта 1856 г., завершивший Крымскую (Восточную) войну, однозначно как сокрушительное поражение России.

Правда, «западники» усматривали тому одну серию причин, славянофилы – другую.

Политическая эмиграция в лице А.И. Герцена из сытого и обеспеченного, далекого от действительных российских нужд и тревог Лондона укоряла, не скрывая злорадства, – предупреждали, мол! Вот и получите позорный мир!

Н.Г. Чернышевский уже точил топор и даже спустя пять-семь лет все сокрушался, что война «не нанесла России удара слишком тяжелого».

Н.А. Добролюбов и еще кое-кто из круга светлых умов Отечества поучали, что каждый «любящий Россию должен непременно желать, чтобы нас почаще били».

Что и говорить о суетной толпе публицистов, журналистов, энергических толкователей событий в европейской прессе и скороспелых брошюрах на тему дня. Все вдруг увидели то, что хотелось – ниспровержение российского колосса.

Серия действительно фатальных военных неудач России начала XX в. и социальные катаклизмы, завершившиеся крахом российской государственности в 1917 г., сделали проблему всей войны 1853–1856 гг. и Парижского мирного конгресса удобной и приятной для новых властей в России 1920-х – 1980-х гг. Прекрасный повод для разоблачительства и всякого поругания!

Оставим сейчас в стороне политическую подоплеку изнурительного для истории и публики бичевания пороков самодержавной России и Парижского мира как самого порочного в русской дипломатии. Любимец нескольких режимов (Е.В. Тарле), самозабвенно тому предававшийся, уже давно в иных мирах. Poleмика возможна не с лицом, а касательно фактов и значения Парижского мира.

Россия **согласилась** на мирные переговоры в Париже. Война с державами не стала Отечественной войной с предсказуемыми негативными последствиями.

Мирный договор, подписанный в Париже, действительно знаменовал военное поражение феодальной монархии – России от союза промышленного капитализма и его резервной зоны – исламского Османского государства, шедшего по пути реформ **быстрее**, чем Россия. Заметим, что Парижский мир все же явил новую эпоху – вскоре в России было отменено крепостное рабство и началась промышленная (и военная) перестройка.

Проворовавшиеся «паркетные генералы» в миг Парижского соглашения утратили смысл и назначение. Голодная и полураздетая русская армия (когда же будет сыт русский солдат?) ушла из Крыма. Но мир запомнил, как русские инвалиды защищали Аландские острова, а монахи, крестьяне и охотники отбросили десанты союзников на Русском Севере и в Приморье.

Гением и трудолюбием военного реформатора Д.А. Милютин, усилиями новой плеяды гражданских и военных чинов ускоренно пошел процесс освобождения и обновления.

Соседнему государству – Турции – мир 1856 г. дал мощный толчок к либерализации, завершившейся установлением ограниченной монархии в стране азиатского деспотизма.

Западному миру Парижский мир 1856 г. ясно показал, что вооруженным путем Россию сломать невозможно. Понудить к пересмотру позиций – да, к гибким (или не очень) союзам – да. Поставить на колени – нет.

На Северную сторону Севастополя ушли русские – Непобежденные. В Париже русские заключили мирный договор, который, возможно, сохранял европейское равновесие наиболее щадящим способом. Кровавых революционных событий по типу 1848 г. не последовало, а ведь и это могло бы иметь место, продлилась война до 1858 г., как планировали в военных и финансовых кругах Лондона.

Так что же дало Европе согласие России на Парижские мирные переговоры?

Европа и вовлеченный с нею в обмен Восток (Турция, Индия, Китай, Иран) отделались жестоким политическим кризисом 1857–1858 гг., локальными национально-революционными бурями. И не более.

Парижский мир в определенной мере обеспечил индустриальную революцию западных держав. Россия «прикрыла» неустойчивый социальный мир в странах-победительницах широко разлившимся в общественном сознании Европы удовлетворением от того, что «жандарм Европы» стоит на коленях, а его большая дубинка – Черноморский флот – покоится на дне бухты в разгромленном Севастополе.

В первую очередь это было важно для Франции и Англии, которые за счет Крымской (Восточной) войны скомпенсировали последствия очередного, после 1847 г., экономического и социального кризиса. Режим победителей – в Париже и Лондоне – на гребне раздутых прессой успехов союзников и победной эйфории в обществе завершил второй и окончательный этап промышленного переворота.

Наполеон III получил 15 лет (до 1870 г.) общественных восторгов: ну как же, победитель, покоритель Севастополя, отомстивший русским за Бородино.

В Лондоне избежали, несмотря на жесточайший кризис 1857 г., революционной бойни на манер революций 1848 г. на континенте.

Горделивая Сардиния и пока еще осторожничававшая Пруссия устремились по пути объединения Италии и Германии как доказавшие свое право на гегемонию регионального уровня победой над русским колоссом (Сардиния) или сочувствием к державам-воительницам (Пруссия).

Не забудем также, что перегретый котел национального движения в Индии рванул сипайским взрывом там, на Индостане. Не на многонациональных и мультирелигиозных просторах Крыма и Кавказа, куда Лондон готовился перебросить сипаев.

Прекрасно вооруженный Ротшильдами и Монтефиоре еврейский экспедиционный корпус не вышел из-под Яффы на Одессу, не взорвал зыбкое социальное равновесие на Украине и в Польше своим походом через Юг России, предполагавшимся на 1856–1857 гг.

Что же касается итогов войны 1853–1856 гг. для судеб балканского и ближневосточного (восточно-христианского) православия, то надо признать, что они до сих пор не подведены. Ни политиками, ни историками. Толком никто еще не рассматривал весь процесс крупных подвижек в пользу русского влияния на христианском Востоке, включая и Сиро-палестинский регион, и балкано-христианскую зону.

Само парижское сидение закончилось для России военно-ограничительными, а не деструктивно-политическими статьями. В его ходе были отработаны, при сотрудничестве турецкой стороны и при консультациях с лучшими знатоками Православного Востока (К.М. Базили и его круг), предпосылки совместного исламско-христианского движения к модернизации, к реформаторству. В рамках сложившейся государственности, но с очевидной тенденцией к инициативной роли христианского реформаторского начала в многонациональной ближневосточной среде.

Позднее, в 1870-х гг., Россия утратила завоеванные русской кровью позиции инициатора перспективных преобразований для христиан и мусульман. Впрочем, это – другая тема.

Не забудем, однако, что Парижский мир открыл яркие страницы деятельности духовных православных миссий на Сиро-палестинском Леванте.

И совсем «мелочь»: вскоре после Парижского мира по всей России при **всех** церквях появились кружечки для пожертвований. С надписью «На улучшение быта православных паломников в Палестине».

И мирная, христианская Россия шла к Святым Местам.

Припадала к исконным нашим Ценностям.

И была уважаема за не показное, а истинное благочестие.

Миром ислама в первую очередь.

В связи со 150-летием окончания Крымской войны редколлегия «Восточного Архива» публикует статью о ее причинах и некоторых итогах. Поскольку начальный этап войны все еще остается в тени стен Севастополя и Карса, то мы публикуем два документа – о Дунайской кампании и обстановке в Дунайских княжествах во время австрийской оккупации. Сектор документальных публикаций ИВ РАН в сотрудничестве с другими научными центрами готовит также историко-библиографическое эссе и объемное исследование «Непобежденные. Война и мир в 1853–1856 гг.».

В.И. Шеремет

А.Г. Бесов (МГТУ им. А.Н. Косыгина)

О ПРИЧИНАХ И ИТОГАХ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 годов

150 лет минуло со времен Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. В отечественной истории она представляется как одна из самых непопулярных страниц. С одной стороны, для этого есть основания, поскольку она закончилась унижительным для великой державы Парижским мирным договором. Поэтому в отечественной историографии война рассматривалась с описательных позиций¹, с позиций поражения царского правительства, самодержавной России². С другой стороны, война в достаточной мере не представлена как явление мировой истории на переломе эпох, как противостояние европейских стран с Россией и использование ими Турции для реализации своих геополитических интересов на Балканах и Ближнем Востоке. На это обращено внимание в ряде работ современных авторов³.

Восточная война стала «сублимацией экономического интереса»⁴ западноевропейских стран и сложным явлением в достижении их военного, экономического, политического преобладания в регионе, она показала рост влияния Австрии и Пруссии. Русско-турецкие отношения при этом вышли за рамки двухсторонних. Если в 30 – 40-е гг. XIX столетия Великобритания и Франция стремились не допустить военного сближения России и Турции, то по итогам Крымской войны русско-турецкие отношения были поставлены под контроль со стороны держав Европы. Статьи Парижского договора о нейтрализации Черного моря касались как России, так и Турции. Оба государства лишались права держать военный флот в Черном море.

Со стороны России война имела другие цели – обеспечить выполнение международных договоров, сохранить стабильность в регионе и российское покровительство православных на территории Османской империи.

Цели политики России не совпадали с целями политики ряда европейских стран – политики прагматизма и экономической целесообразности, слабо связанной с дипломатическими нормами этикета старой Европы. Россия в лице ее самодержца отрицательно относилась к любым потрясениям, революционным особенно, чтила порядок. При этом ее внешняя политика внятно объяснялась европей-

ским государствам. Это отчетливо видно из сравнения двух кризисных ситуаций рубежа 40–50-х гг.

В конце 40-х гг. Европа была потрясена рядом революционных событий. Отношение Николая I, официальной России к ним было изложено в манифесте «О событиях в Западной Европе» от 14/26 марта 1848 г. И правители, и печать в европейских странах особое внимание обратили на заключительные слова документа: «С нами Бог! разумеете языцы и покоряйтесь: Яко с нами Бог!». Но его смысл был не только в угрозе, но и в призыве к миру, к сохранению порядка и общественного устройства.

Николай I писал манифест лично и не боялся на весь мир заявить, что «после благословений долголетнего мира, запад Европы внезапно взволнован ныне смутами, грозящими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства».

Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии и, разливаясь повсеместно с наглостию, возраставшею по мере уступчивости правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных Нам Империи Австрийской и Королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает, в безумстве своем, и Нашей, Богом Нам вверенной, России.

Но да не будет так!

По заветному примеру Православных наших предков, призвав в помощь Бога Всемогущего, Мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и, не щадя Себя, будем, в неразрывном союзе с *Святою* Нашею Русью, защищать честь имени Русского и неприкосновенность пределов наших.

Мы удостоверены, что всякий Русский, всякий верноподданный Наш ответит радостно на призыв своего Государя; что древний наш возглас: за Веру, Царя и Отечество, и ныне предрекает Нам путь к победе: и тогда, в чувствах благоговейной признательности, как теперь в чувствах святого на Него упования, мы все вместе воскликнем:

С нами Бог! разумеете языцы и покоряйтесь: Яко с нами Бог!»⁵.

Следует обратить внимание на то, что русские войска приняли участие в подавлении революционных выступлений в Австрии через год после издания приведенного выше манифеста. Поход начался после просьбы австрийского императора и выхода в России манифеста от 26/28 апреля 1849 г. «О движении армий наших для содействия императору Австрийскому на потушения мятежа в Венгрии и Трансильвании»⁶. При этом Франция заняла нейтральную позицию, Пруссия не препятствовала таким действиям, Австрия взяла на себя финансирование кампании. В английском кабинете министров высказали заинтересованность в быстром подавлении восстания. Европейские державы не препятствовали вводу войск России и Турции на территории княжеств Молдавии и Валахии для наведения порядка.

Тревогу вызвала русско-турецкая Балта-Лиманская конвенция 1849 г., согласно которой пребывание войск в княжествах определялось в 7 лет, урезались права княжеств на их автономии в пользу султана (русские войска были выведены с территории княжеств в мае 1851 г.)⁷.

Требования российских (август 1849 г.) и австрийских властей к Турции о выдаче бежавших в ходе подавления революции на ее территорию поляков и австрийцев вызвали резкое сопротивление султана, поддержанное англичанами и французами. Россия и Австрия разорвали дипломатические отношения с Турцией (были восстановлены в декабре). Султан распорядился всех не принявших ислам эмигрантов удалить из княжеств, «не причиняя им бесчестия», в другие части своей империи. Англия, по существу, начала необъявленную войну в Средиземноморье, послав свою эскадру в Дарданеллы. Угроза со стороны России направить свою эскадру в Босфор, а вопрос с Проливами решить, в конечном счете, сухопутными силами вынудила английские корабли уйти. В мае 1851 г. под влиянием России был подписан союзный договор Австрии и Пруссии⁸.

Иная ситуация сложилась в международных отношениях в начале 50-х гг. Конфликт разрастался под покровом борьбы за контроль над христианскими святынями Палестины и влияние на подданных Османской империи православного и католического вероисповеданий. Турция стремилась упорядочить управление социально-экономическим развитием христианских районов империи, предотвратить национально-освободительные движения и вмешательство европейских держав под пред-

логом защиты прав своих единоверцев. Однако «влияние держав в Османской империи при всем их соперничестве было сильнее, чем возможность Порты избавиться от него, опираясь на одну из сторон»⁹.

На территории Османской империи жили христиане Константинопольской (8,5 млн. человек), Антиохийской (190 тыс.), Иерусалимской (50 тыс.), Александрийской (10 тыс.) православных и Римско-католической патриархий¹⁰. В 1849 г. Наполеон III через своего представителя потребовал от Порты, чтобы ряд из восемнадцати святынь, которые по трактату 1740 г. закреплялись за католиками и потом постепенно по решению турецких властей перешли в руки православных, были возвращены католикам. Патриарх Иерусалима Кирилл обратился к Николаю I с просьбой о защите Восточной церкви. Порта создала комиссию для решения конфликта. Были даны обещания оставить вопрос о Святых местах в положении status quo. Наряду с этим иерусалимскому патриарху было велено передать католикам ключ от главного входа в Вифлеемский храм. В сентябре 1852 г. внимание к вопросу было отвлечено тем, что Порта двинула свои войска в Черногорию. Россия и Австрия совместными дипломатическими действиями заставили Турцию остановить эту войну. Затем последовала российская миссия А.С. Меншикова в Стамбул. Турки согласились рассматривать вопрос о Святых местах без ущемления прав православных, но отказались официально признать Россию покровительницей православных на территории Оттоманской империи, подобно турецко-французскому соглашению 1740 г. Речь шла о принятии отдельного договора (конвенции), хотя за Россией право покровительства (защиты) православных было закреплено русско-турецким Кючук-Кайнарджийским договором 1774 г.

Такое решение было принято высшим Советом по реформам Порты, дабы исключить вмешательство держав во внутренние дела империи. Английская, австрийская, французская дипломатия сделала все, чтобы решение спорных вопросов между Турцией и Россией не было двусторонним, а Порта пошла на эскалацию конфликта с Россией, отстаивая право быть субъектом в системе международных отношений, а не простым исполнителем политики великих держав. В дальнейшем англичане и французы не смогли отговорить Турцию от войны с Россией, но они не хотели терять своего влияния на Балканах, Ближнем Востоке и воевали на стороне турок против России.

Цели внешней политики в период восточного кризиса 50-х годов и Крымской войны Россия объявляла в официальных, публичных документах. В манифесте от 14/26 июня 1853 г. «О движении Российских войск в Придунайские княжества» было указано, что занятие русскими войсками княжеств предпринято в качестве «залога», побуждающего Турцию «свято соблюдать неприкосновенность Православной Церкви», потому как «вопреки всех усилий Наши защитить неприкосновенность прав и преимуществ Нашей Православной Церкви, многие самопроизвольные действия Порты нарушали сии права и грозили наконец совершенным ниспровержением всего увековеченного порядка, столь Православию драгоценного»¹¹.

20 октября/1 ноября 1853 г. в манифесте «О войне с Оттоманскою Портою» отмечалось, что «ожидания Наши не оправдались. Тщетно даже главные Европейские державы старались своими увещаниями поколебать закосное упорство Турецкого Правительства. На миролюбивые усилия Европы, на Наше долготерпение оно отвечало объявлением войны и прокламациею, исполненной изветом против России. Наконец, приняв мятежников всех стран в ряды своих войск, Порты открыла уже военные действия на Дунае».

Цель войны с российской стороны заключалась в том, «чтобы понудить Порту к соблюдению трактатов и к удовлетворению за те оскорбления, коими отвечала она на самые умеренные Наши требования и на законную заботливость Нашу о защите на Востоке Православной веры, исповедуемой и народом Русским»¹².

Манифест «О прекращении войны» был издан уже другим российским императором, Александром II, 19/31 марта 1856 г., на следующий день после подписания мирного договора в Париже. К главному итогу войны было отнесено положение о том, что «будущая участь и права всех Христиан на Востоке обеспечены. Султан торжественно признает их, и вследствие сего действия справедливости, Империя Оттоманская вступает в общий союз Государств Европейских»¹³.

Следовательно, применение силы со стороны России поэтапно было связано с отстаиванием преимуществ Православной церкви, затем положений русско-турецких трактатов и защитой Православной веры. Сформулированные в манифесте итоги прекращенной войны отразили реально достигнутые цели европейских стран, и формально, как это парадоксаль-

но ни звучит, официальные цели России. Хотя она никак не предполагала, что проливы Босфор и Дарданеллы окажутся под контролем держав Европы, русскую границу в Бессарабии изменят таким образом, что Дунайская дельта целиком отойдет к Молдавии, княжества Молдавии и Валахии останутся под верховной властью султана, но русский и турецкий протекторат отменяют при условии, что автономия княжеств гарантировалась всеми державами. Завоеванные в период войны русскими войсками территории на Кавказе отойдут к Турции.

Выводы о главной причине поражения в войне, кроющейся в «техничко-экономической отсталости самодержавно-крепостнической страны в сравнении с главными капиталистическими державами Западной Европы»¹⁴, или в том, что «в ходе войны выявилась экономическая и техническая отсталость России, русская армия и флот не имели обученных резервов, испытывали острый недостаток вооружения, боеприпасов (снабжение и пополнение действующей армии в Крыму из-за отсутствия в стране железных дорог были крайне затруднены)»¹⁵, или в «неблагодарности» австрийского и прусского монархов, требуют уточнения.

Системный анализ деятельности государственных структур власти в годы войны, хода событий в России, на полях сражений и на международной арене показывает, что в Крымской войне поражение российской стороне было нанесено на политическом и дипломатическом поприще.

В применении военной силы России были свои характерные черты. Угроза применения силы преобладала собственно над ее применением. Дислокация войск, распределение мобилизованных ресурсов свидетельствуют о том, что руководство страны больше уделяло внимания возможным военным действиям в Прибалтике, Финляндии, Царстве Польском, на границе с Австрией, чем действующим войскам на Юге, включая Крым, и на Кавказе¹⁶. Государственные структуры власти, военное и морское министерства направляли главные усилия на формирование резервных, запасных частей, ополчения, различного рода припасов. На это уходили огромные материальные, финансовые, людские ресурсы общества. Уже в ходе войны начались реформы в морском и военно-сухопутном ведомствах России. В силу ряда причин (характер власти, условия функционирования армии и флота в мирное время, подготовка офицеров) в стране

не было достаточно людей, способных к принятию военно-стратегических решений и эффективному управлению войсками. Наконец, сдерживающим фактором ведения активных боевых действий Россией была угроза войны с коалицией ведущих европейских стран, включая Австрию, Пруссию. Интенсивность (но не результативность) дипломатической деятельности российской стороны во много раз превосходила военную.

Готовность Николая I вести войну с Европой было скорее эмоциональным выражением положения руководителя государства. В документах того времени неоднократно упоминались события 1812 г. как пример возможных действий. Слова русского царя «Если Европа меня к тому принудит, Я по примеру брата Александра в 1812 году, отважусь на непримиримую войну, отступлю если надо за Урал, но не положу оружия, покуда неприятельская нога будет попираť русскую землю»¹⁷ не подкреплялись конкретными действиями в применении вооруженных сил государства. Содержание переписки Николая I с И.Ф. Паскевичем, А.С. Меншиковым¹⁸, П.Д. Горчаковым о грандиозных планах, включая и господство над освобожденными от Турции славянскими народами Балкан, следует отнести к эпистолярному наследию русского императора, а не к военно-теоретическим взглядам на ведение войны.

Идеи Николая I выглядят особенно контрастно на фоне аттестаций на генералов Южной армии в 1855 г. Генерал-адъютант А.Н. Лидерс писал в сентябре указанного года военному министру и императору: «Рассмотрев со вниманием сии списки, я нахожу, что в Южной армии почти нет таких генералов, которые могли бы командовать в военное время самостоятельными отрядами»¹⁹. Сама постановка вопроса примечательна тем, что Главкомандующий армии в период войны писал о 37 генералах своей армии, которые «могли бы командовать в военное время». В период войны основная часть российских войск не воевала, генералы ждали возможных военных действий. На Кавказе были крупные победы, несмотря на то, что англичане и французы заблаговременно «позаботились» и о вооружении, и об обучении турок.

Крымская война стала рубежным явлением в проверке военной мощи государства, которая зависит от степени реализации созданного потенциала.

В годы войны в России была проведена огромная мобилизационная работа. На службу

было принято (призвано, набрано) свыше 1 733 тыс. человек²⁰. В военно-сухопутных силах к началу 1856 г. под ружьем (за вычетом потерь) было до 2,5 млн. человек, в военно-морском флоте – свыше 106,1 тыс. человек²¹. Но в действующих войсках было около трети армии, а в боевых действиях принимало участие и того меньше²².

За 1853–1855 гг. тремя оружейными заводами в России было произведено 98 028 нарезных и 292 744 гладкоствольных ружей, а в арсеналах переделано 217 269 нарезных и гладкоствольных ружей. По данным артиллерийского департамента, к 1 января 1856 г. оружейными заводами было сделано 272 185 ружей, а в 1856 г. еще 90 881²³.

При этом производились ружья образца 1849 г. (пехотное солдатское, карабин) и 1852 г. (пехотное ружье). Была перекрыта потребность войск в капсюлях. Выпущено свыше 80 млн. штук, при имевшемся запасе в 62,2 млн.²⁴. Историк А.М. Зайончковский писал, что «вооружение значительной части нашей действующей пехоты кремневыми ружьями является непонятным, так как к 1 января в нашей армии было уже изготовлено 790 044 ударных ружья – число, которого с избытком хватало на снабжение всей действующей пехоты»²⁵. Объяснение этому историк видел в «традиционном направлении нашей тактики, проповедовавшей энергичное наступление и атаку холодным оружием, при содействии подготовки атаки лишь огнем артиллерии»²⁶. Кроме того, заметим, лучшими ружьями в русской армии были вооружены гвардейские и гренадерские корпуса, которые всю войну находились в большинстве своем на западных границах и охраняли столицу²⁷.

В литературе анализ технической оснащенности экспедиционного корпуса в Крыму и русской армии по показателям прицельной стрельбы нарезного (1200 шагов) и гладкоствольного ружья, как правило, заканчивается выводом о технической отсталости России. Оно проявлялось, только ружья здесь ни при чем. Ружья применяли люди.

Пресловутая прицельная дальность стрельбы на 1200 шагов была установлена для российской пехоты только в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг., хотя перевооружение армии нарезными ударными заряжающимися с дульной части винтовками было начато в 1856 г. Новая винтовка имела высокие показатели по дальности стрельбы (1 500 шагов), а прицел был установлен на 1 200 шагов. Но в 1858 г. велено было во всей пехоте (кро-

ме стрелков) иметь прицельную дальность стрельбы ружей в 600 шагов. С 1860 г. на вооружение стала поступать казачья винтовка, часть из поступающего оружия имела стальные стволы. К 1865 г. этими ружьями была вооружена вся пехота, кроме Кавказской армии (шла Кавказская война). Зачем действующей армии на войне новые ружья?

Анализ самого процесса снабжения армии в период Крымской войны позволяет сделать вывод не об отсутствии в России необходимых припасов, вооружения, а об их несвоевременной доставке в войска (о воровстве в данном случае речь не идет, хотя его масштабы за 150 лет никто предметно так и не исследовал). В процессе снабжения армии в выигрышном положении были все, кроме самой армии.

В годы войны автор одной из многочисленных записок в адрес Александра II писал, что нигде, кроме России, нет состоящих на государственной службе, не считая выборных, 105 тыс. чиновников, «нигде нет столько, и в то же время так мало централизации, как в России», при этом «постоянное стремление каждого ограждать себя от законной ответственности, требует страшного расхода, труда, бумаги, чернил и времени»²⁸.

Чиновники не только стремились оградить себя от ответственности. Они своеобразно заботились о пользах государственных. Это своеобразие прослеживается на процессе заготовления для армии различных припасов. Например, главным способом заготовления сукон, муки, круп в мирное и военное время был подрядный способ (после торгов, на современном языке – конкурсов). В период Крымской войны на его долю при заготовке муки и круп пришлось соответственно 80,1% и 81,2% из 6,8 млн. четвертей муки и 656,5 тыс. четвертей круп²⁹. С учетом того, что государственная казна выдавала деньги для подрядчиков под 6% годовых от суммы залога, наделяла их правом иметь в качестве прибыли не менее 10% от суммы стоимости заготовленных продуктов, можно оценить «тягость» для казны процесса снабжения войск. В конечном итоге довольствующие органы военного ведомства покупали припасы не по рыночной цене, а по цене, установленной подрядчиком с помощью государства. Закупки напрямую были сведены к минимуму, а государственные заказы касались немногих производителей.

Да и доставка в войска заготовленных припасов носила на себе отпечаток «организованности». Из потребных для Крымской армии 960 тыс. четвертей муки и 90 тыс. четвертей

круп было собрано около 60–70%, а для доставки было мобилизовано 7 890 повозчиков, что в два раза превышало нужное их количество³⁰. Но даже с учетом этого войска не получали положенного довольствия.

После окончания войны, в условиях резкого сокращения финансирования армии и флота, продовольственные и вещевые запасы были важным источником довольствия личного состава. В начале 60-х годов вещевые запасы оценивались в 4 млн. рублей. В 1861 и 1862 гг. из неприкосновенных запасов на текущее довольствие войск шло припасов на сумму соответственно в 728,8 и 700 тыс. рублей³¹.

И в отношении русских дорог. Безусловно, что их наличие и состояние очень важны для мобилизаций, для снабжения войск. Но, очевидно, не отсутствием шоссейных и железных дорог можно объяснять то, что в течение 249 дней героической обороны Севастополя крепость не была усилена войсками и не был решен вопрос о сбросе в море 150–170-тысячного экспедиционного корпуса неприятеля.

Вопрос о необходимости государственного подхода к строительству военных дорог был поставлен в 1816 г. К.Ф. Толем в докладе на высочайшее имя «О учреждении военных дорог в России»³². Он был составлен, исходя из опыта военных компаний 1812–1815 гг. По замыслу автора, дороги должны были облегчить движение войск, транспортов («люди и лошади будут сбережены»), «содействовать внутренним коммуникациям в России». В документе отмечалось, что «приведя дороги сии в самое лучшее состояние и учредя по оным магазины и госпитали; то и необходимо определить таковые не только в военном, но и в экономическом отношении».

В военном отношении предлагалось назначить и оборудовать «единожды и навсегда» сборные пункты на границах (Ковно, Гродно, Белосток, Брест-Литовск, Владимир, Каменец-Подольский, Могилев (на Днестре), Дубоссары, Севастополь), создать поперечные дороги (Вильно – Каменец-Подольский; Санкт-Петербург – Могилев – Севастополь; Москва – Дубоссары – Севастополь). В экономическом отношении были обоснованы длина маршрутов, расположение продовольственных, фуражных магазинов, госпиталей, сделаны расчеты необходимого количества директоров (из отставных чинов) сообщений, комендантов и пр. Доклад был одобрен, но дело с дорогами осталось на прежнем уровне.

В 1833–1842 гг. К.Ф. Толь возглавлял Главное управление путей сообщения и пуб-

личных зданий, которое занимало одно из ведущих мест в государственной структуре управления. Ему были подчинены государственные и губернские дороги, огромные материальные, финансовые и людские ресурсы. Однако к началу 40-х гг. были построены шоссе: Петербург – Москва, Киев – Бровары, Динабург – Ковно, Рига – Тауроген, Москва – Нижний Новгород. Николай I в 1843 г. ставил задачу в стратегических целях провести шоссе: Белосток – Гродно, Брест – Киев, от Киева к Днестру, от Бобруйска до пересечения с Брестским шоссе, Динабург – Витебск – Смоленск, Смоленск – Орша³³. Ход строительства не соответствовал планам императора, а количество дорог – потребностям общества и оброну страны³⁴.

После Крымской войны шоссе строительство практически не велось. Оно заметно возобновилось в Московской, Ярославской, Калужской, Петербургской губерниях лишь с учреждением земств. К середине 60-х годов в стране вместе с почтовыми дорогами в Финляндии и на Кавказе было 7,9 тыс. верст, в 1872 г. – 9,9 тыс. верст шоссе и 13,9 тыс. верст железных дорог³⁵. Шоссе строились рассматриваясь как подъездные к железнодорожным. Масштабное строительство дорог в восточных районах страны было связано с железными дорогами. Причем шоссе сообщение Европейской России с российским Дальним Востоком было завершено лишь в начале XXI столетия.

Итоги Крымской войны важны не только для того, чтобы извлекать исторические уроки. Для России это время было временем тревог и большого напряжения сил. Надо отдать должное памяти тех россиян, которые сражались, выполняли государственные задачи по мобилизации ресурсов общества в период войны. Ратные дела многих россиян, связанные с обороной Севастополя, защитой Петропавловска-Камчатского, побережья Белого и Черного морей, сражениями на Кавказе имеют право на то, чтобы жить в веках. Мы должны преодолеть наметившееся историческое беспамятство о том времени.

Примечания

¹ См.: *Дубровин Н.Ф.* Восточная война 1853–1856 годов. СПб., 1878; *Богданович М.И.* Восточная война 1853–1856 годов. 1–4 т. СПб., 1876; *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 годов в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1–2. СПб., 1908–1913.

² *Тарле Е.В.* Крымская война. Т. 1–2. 2-е изд. М.–Л., 1950; *Горев Л.* Война 1853–1856 годов и оборона Севастополя. М., 1955.

³ См.: *Виноградов В.Н.* Восточный вопрос и Балканы: размышления о современном этапе исследований // «Новая и новейшая история», № 6, 1989; *Шеремет В.И.* Империя в огне. М., 1994.

⁴ *Шеремет В.И.* Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время. М., 1996, с. 687.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XXIII, отд. II, № 22 087.

⁶ Там же, № 23 200.

⁷ История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1999, с. 354.

⁸ *Шеремет В.И.* Империя в огне, с. 342.

⁹ Там же, с. 343.

¹⁰ *Зайончковский А.М.* Указ соч. Т. 1. М., 2002 (переиздание), с. 726.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVIII, отд. I, № 27 344.

¹² Там же. Т. XXXI, отд. I, № 27 628.

¹³ Там же, № 30 273.

¹⁴ *Шеремет В.И.* Империя в огне, с. 408.

¹⁵ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 3. М., 2000, с. 180.

¹⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 412, оп. 1, д. 875, 931, 936.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 678, оп. 1, д. 451, л. 3 об.

¹⁸ Рескрипты и письма императора Николая I к князю Меншикову за время Севастопольской обороны. СПб., 1908.

¹⁹ РГВИА. Ф. 401, оп. 4, д. 58, л. 35.

²⁰ Подсчитано по: Столетие Военного министерства. СПб., 1902–1913. Т. IV, ч. II, кн. I, отд. II, с. 154, 162, 167, 174, 175, 203; т. IV, ч. III, кн. I, отд. II, с. 5–6, 10–12, 17–19, 133, 170; *Бесов А.Г.* Военная политика России в XIX веке. М., 2001, с. 163.

²¹ Военно-статистический сборник. Вып. IV. Отд. II. СПб., 1871, с. 204.

²² РГВИА. Ф. 485, оп. 1, д. 762, л. 1; *Бесов А.Г.* Указ. соч., с. 178.

²³ РГВИА. Ф. 504, оп. 7, д. 264, л. 69–72.

²⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XIX, отд. I, № 18 547.

²⁵ *Зайончковский А.М.* Указ. соч., с. 428.

²⁶ Там же, с. 429.

²⁷ РГВИА. Ф. 412, оп. 1, д. 875, 936.

²⁸ ГАРФ. Ф. 678, оп. 1, д. 603, л. 8.

²⁹ *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973, с. 461.

³⁰ Исторический очерк деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855–1880). Т. 1–6. Т. II. СПб., 1879, с. 97.

³¹ РГВИА. Ф. 401, оп. 5, д. 422, л. 12 об.

³² Там же, д. 14.

³³ Там же. Ф. 413, оп. 1, д. 46, л. 4 об.

³⁴ Там же. Ф. 414, оп. 1, д. 164, 166, 168, 170–175; ф. 422, оп. 1, д. 5, 14, 26, 30, 1532.

³⁵ Военно-статистический сборник, с. 438.

В.И. Шерemet (ИВ РАН)

ЗАПИСКИ УЧАСТНИКА ДУНАЙСКОЙ КАМПАНИИ 1854 ГОДА

150 лет тому назад, в марте 1856 г., восхищенные «собственным благородством и бескорыстием» (Генри Пальмерстон), три великие державы – Англия, Франция и Османская империя – и крохотная, но воинственная Сардиния заключили с Россией Парижский мирный договор.

Первая полномасштабная война «единого мира» завершилась. Русский колосс утратил свою «любимую дубинку – Черноморский флот и, прихрамывая, удалился в свои холодные леса и жаркие степи» (А. Валуевский). На большее, собственно, союзники рассчитывать и не могли, несмотря на колоссальные амбиции – и в Лондоне, и в Стамбуле, и особенно в Париже.

События 150-летней давности всколыхнули значительную часть научной общественности и на Западе, и на Востоке. Впервые индустриальный мир Европы и башибузуки османских просторов объединились против главного своего соперника и противника – Российской империи.

К 50-м годам XIX в. мир начал приобретать признаки взаимозависимой системы с центром, где упрочились Англия и Франция, и периферией, где резервную нишу зависимого развития заняла Османская империя, становившаяся на путь вестернизации. В Европе складываются буржуазные нации. Зреет национализм, густо приправленный клерикализмом борца за святоградские приоритеты Наполеона III и воинственным прагматизмом лондонских банкиров, возжелавших прикупить армию, как цинично говаривали Ротшильды, «послушных и яростных турецких янычар» (уничтоженных еще в 1826 г.). «Юные» Италия и Пруссия, почтенная Австрия жаждут возглавить своих региональных сородичей и нуждаются в объединяющих идеалах. Победа коалиции там, далеко на Востоке, над великой Россией в интересах и центра, и периферии. С окончанием так называемой «Колумбовой эпохи» периферийных захватов остро встает проблема соперничества между державами и союзами таковых за окраины Евразии. Там смыкаются владения Османов и Романовых: Придунавье, Кавказ... И тогда приключилась Крымская, или Восточная, война.

Война 1853–1856 гг. смешала представления эпохи промышленного капитализма о ко-

алиционных войнах и составе участниц подобных коалиций, о характере и особенностях военных действий на различных театрах таковых действий.

В принципе иной, по сравнению с Венской (1815 г.), складывалась Парижская мирная (и мировая) система. В контексте принципиально иных политических (дипломатических) и экономических (финансово-субсидиарных со стороны Запада в пользу Турции) отношений, а также чисто военных приемов достижения целевых установок коалиции держав в составе Англии, Франции, Сардинии и османской Турции анахронизмом представляется военная политика Российской империи. В ряде книг и статей нам уже приходилось раскрывать печальную и славную, как это часто бывало в военной истории государства Российского, эпопею побед и поражений 1853–1856 гг.

Начальный этап войны так и остается в тени стен Севастополя и Карса. Отечественная историография Дунайского театра собственно русско-турецкого боевого соприкосновения в 1853–1854 гг. многие десятилетия была представлена торопливыми и яркими, как всё, что он делал, очерками Е.В. Тарле в первом томе его «Крымской войны» (заметим, одной из любимых исторических книг И.В. Сталина). Зарубежная историография тоже десятки лет муссировала идею возмездия «этим русским» за вторжение на Дунай и за разгром османского флота в Синопе.

Мы публикуем документальный материал, откровенно провоцирующий споры специалистов – дневниковые записи подполковника (затем полковника) Генерального Штаба П.К. Менькова. Участник ряда огневых контактов с турецкими частями в Дунайских княжествах (Молдавия и Валахия), П.К. Меньков прошел всю войну до конца. Оставил острые и меткие, нередко болезненные для генералов российской паркетной службы записки. Фрагменты из них привлекал в «Крымской войне» Е.В. Тарле, в той их части, где разоблачался николаевский режим (см.: *Меньков П.К. Записки*. СПб., 1898).

Мы публикуем выборочно, ввиду значительности объема документа, тексты Менькова в первоначальной редакции 1854 г., касающиеся военно-политической обстановки в зоне вторжения царских войск и собственно боевых

столкновений русских и турецких войск в 1853–1854 гг. Напомним, что согласно русско-турецкому соглашению 1849 г. Молдавия и Валахия находились на автономном положении в составе Османской империи. Присутствие на их территории войск стран-гарантов, т. е. России и Турции, могло иметь место только по взаимной договоренности для предотвращения или прекращения очередного, после 1848 г., революционного взрыва.

Орфография и пунктуация приведены к современным. Датировка сохранена, за исключением особо оговоренных случаев, по старому стилю.

Записки о Валахском походе 1854 года

г. Бухарест
Января 1854 г.

В начале 1853 года на сцену политического, всего читающего и мыслящего мира явился «la question d'Orient» (Восточный вопрос).

Журналы наполнились длинными и мудрыми рассуждениями: о Святых местах, о ключах от Гроба Господня, о куполе Иерусалимского Собора...

Деятельно заскрипели перья дипломатов всех европейских кабинетов!

Ныне новорожденному вопросу минул год от роду.

Не одно балованное дитя не лелеялось с таким вниманием, как «la question d'Orient» (Восточный вопрос). Сколько храбрых людей, почтенных отцов семейств, воинов-политиков и невинных помещиков потеряли зрение за чтением неясного, но интересного «la question d'Orient», который, как нарочно, во всех газетах печатается самым мелким шрифтом.

Всполошился Петербург. Князя [А.С.] Меншикова¹ послали для переговоров с Портою и, в подтверждение красноречивой речи русского вельможи, снарядили флот и привели в готовность 5-й корпус пехоты.

Не убедил упрямого турка красноречивый рассказ русского боярина, не дрогнули мусульмане от приготовлений наших ни на суше, ни на море...

Вернулся князь Меншиков в Одессу.

Не мне, солдату, мешаться в политику; не мое дело судить о том, какой кафтан носил Меншиков в Константинополе и была ли у русского князя круглая шляпа или картуз с козырьком. На это есть история.

Со своей стороны я расскажу вам быть, солдатскую сказку с присказкою. Сказка будет

о том, как в силу Восточного вопроса составила Армия, сначала не сильная и не слабая, как потом к Армии этой подбавки присылали, и как дошла она от Прута до Дуная. В присказке же расскажу я вам историю похождения Малого-Валахского отряда.

<...> 27-го сентября [1853 г.] князь Горчаков² получил письмо от Омер-паши³, который по поручению Оттоманской Порты приглашал русского главнокомандующего очистить Придунайские княжества, предупреждая, что если через 15 дней предложение это не будет исполнено, то последует открытие военных действий.

Весьма ясно, какой ответ был князя Горчакова. Не для того же русские занимали Княжества, чтобы очистить их по первому требованию Омер-паши.

<...> 1-го октября пишут Фишбаху⁴: не слыхал ли он чего о сборе неприятеля в больших силах на правом берегу Дуная, не боится ли он быть отрезанным от Бухареста. Советуют Фишбаху: в случае переправы неприятеля в малых силах у Рахова или Никополя разбить турок. Если же турки переправились бы у Видина, то ему следует допустить их до Жио и потом действовать по обстоятельствам.

Фишбах донес: «Со стороны Рахова все спокойно».

С 3-го на 4-е октября турки в числе 300 человек заняли остров на Дунае, лежащий между Калафатом и Видином. 5-го октября число турок возросло на острове до 2000 человек, и выросли укрепления.

Вместо того, чтобы предупредить неприятеля в Калафате, Фишбах доносит:

«Со стороны Рахова все спокойно».

7-го октября Фишбаху предписано перейти в Крайово в том предположении, что отряд, находясь на центральной позиции у Крайово, может охранять Малую Валахию и в случае необходимости отойти к Бухаресту.

Из Каракула Фишбах перешел в Марошаны, что на реке Жио, с тем, чтобы быть ближе к Бекету, если неприятель перейдет у Рахова, или, если из Калафата турки пойдут на Крайово, тогда он, Фишбах, встретит неприятеля у Чароя.

Не так сделали турки: не перешли они в Рахове и не вышли из Калафата.

Был Фишбах с отрядом в Бырзе, оттуда неизвестно с какою стратегическою целью в Низошти, и наконец попал Фишбах в Крайово и вполне исполнил инструкцию. Расположил он весь свой отряд, кроме авангарда, в городе, стеснил людей и жителей, цены на про-

дукты и фураж возвысились и вскоре достигли до того, что сена нельзя было достать за деньги.

В главной квартире ничего не замечали, а Фишбах в каждом рапорте утешал, что «со стороны Рахова все спокойно».

<...> Ну вот, раздался, наконец, давно желанный выстрел на Дунае, и разыгралась удал молодецкая, вострепнулось сердце русское, отпустился штык трехгранный. Все бы так и ринулись на врага, да начальство не велит!

11-го октября лихо прошла наша флотилия мимо Исаки, посчиталась с крепостью и заехала предместье.

Турки свободно и без выстрела перешли Дунай против Калафата, безнаказанно заняли Калафат и, собрав жителей окрестных деревень, начали строить укрепления.

17-го октября разъезд лихого хорунжего Крохина встретился с турецким разъездом уже около Голеницы-Команы, и там впервые посчитались казаки с турками: те и другие недосчитались своих.

<...> Подобно тому, как в Калафате, 20-го октября турки переправились от Туртукая и заняли остров против Ольтеницы. 21-го перешли на левый берег Дуная и начали укрепляться в тамошнем карантине.

Разумеется, храбрый генерал Павлов⁵ в одну ночь с одним батальоном хотел прогнать турок за Дунай.

Отважный Данненберг⁶ только просил разрешения атаковать турка, чтобы не дать ему время укрепиться на нашем берегу.

Вечером, с 21-го на 22-е октября, обычное общество в обычный полуночный час в квартире походного атамана пропускало валахское вино и, прихлебывая, решало судьбу ольтеницких турок. С трудом верили возможности спасения весьма малой части турок из находящихся в укрепленном карантине.

В самый разгар беседы прискакал адъютант князя Горчакова с объявлением, что командующий войсками требует начальника артиллерии, походного атамана и полковников Веймарна⁷ и Менькова⁸. И вот из-за круглого стола радушной трапезы все эти лица поскакали в квартиру князя.

В апартаментах генерала Коцебу⁹ полусидел, полулежал князь Горчаков, вокруг него стояли генералы Липранди¹⁰, Коцебу и Бутурлин¹¹. Известия, полученные из Ольтеницы, заключались в том, что силы неприятельские постоянно прибывают из Туртукая на наш берег, что турки сильно укрепили карантин и имеют в виду сами перейти в наступательное

действие и положение и двинуться к Бухаресту, предприняв в это же время наступательные движения из Калафата, Рушука и Силистрии.

Известие это взволновало князя Горчакова. После долгих колебаний решено было предоставить Данненбергу выгнать неприятеля из Ольтеницы и двинуть на подкрепление его из окрестностей Бухареста всю 12-ю дивизию. В то же время к Ольтенице был послан полковник Эрнрод¹² с тем, чтобы Данненберг поручил ему произвести рекогносцировку занимаемой неприятелем позиции.

22-го числа произведена была безвредная для обеих сторон рекогносцировка. Неприятель, открыв огонь своих батарей с дальнего расстояния, остановил рекогносцировку в самом почтительном расстоянии.

На место рекогносцировки прибыли господа Данненберг, Павлов, Мортинау¹³ и другие; все видели столько же, сколько видел и Эрнрод, т. е. ничего. Между тем Эрнрод утверждал, что карантин занят слабо, что войсковые занимающие, суть жалкий сброд, и что он с двумя батальонами пехоты выбьет неприятеля из карантина и острова. Неизвестно, в какой степени поверили Эрнроду зрители неприятельской позиции, известно только то, что самонадеянный рассказ водворил спокойствие в душе командующего, и ночь с 22-го на 23-е прошла спокойно.

23-го октября в 12 часов пополудни войска, назначенные для атаки карантина, собрались в с. Старой Ольтеницы; около часу началось движение вперед. Батальоны Селенгинского полка шли в голове, на правом фланге генерала Остермана. С двумя батальонами, в середине артиллерия, левее которой два других батальона Селенгинского полка с генералом Павловым. Резерв составляла колонна Якутского пехотного полка.

Диспозиция движения и боя, составлявшаяся <...> в продолжение целых суток, была роздана начальникам частей под огнем неприятельских батарей, и многие из них прочли ее только на другой день.

С выходом войск из Новой Ольтеницы всякое управление частями кончилось. Якутский пехотный полк в пассивном положении оставался в общей колонне под самым сильным огнем, и никому из начальствующих не пришлось в голову раздвинуть батальоны, дабы уменьшить потерю храбрых.

После двух часов артиллерийского огня колонны были двинуты вперед, ряды их редели, смыкались, и массы храбрых неустрашимо шли вперед.

Храбрейшие из храбрых достигли опушки рвов укреплений, ударили отбой – огонь неприятельский умолк по всей линии, как бы из уважения к храбрым.

Многих героев не стало, они легли смертью славных!

Дело под Ольтеницею представляет собой пример тех сражений, которые даются без всякой обдуманной, определенной цели, где во время самой битвы нет ни распоряжений, ни смысла, где каждый небольшой начальник части исполняет свое дело по своему крайнему разумению, но без связи с другими. Батальоны, ротные командиры и все офицеры исполнили долг свой с тем бесстрашием и самоотвержением, которые отличают человека русского в минуту опасности.

Убитыми и ранеными из строя выбыло 9 штаб-офицеров, 35 обер-офицеров и 926 нижних чинов.

Эта страшная потеря, не выреченная никаким результатом, непростительна для начальника.

<...> Вследствие проделки под Ольтеницей часть войск, расположенных около Бухареста, была перетянута к селению Будешти; командующий войсками и часть главной квартиры переехали также к Будешти, ездили на рекогносцировку, писали и были в каком-то тревожном ожидании, что неприятель выйдет из ольтеницкого карантина и поведет атаку на Бухарест.

Неприятель, которому было очень нехорошо и холодно в карантине, перебрался из него – сначала на остров и затем уже в Туртукай.

1-го ноября неприятеля уже не было на левом берегу. Князь и Главная Квартира возвратились в Бухарест.

<...> Генерала Бельгарда¹⁴ с батальоном Тобольского полка, взводом гусар, двумя орудиями и двумя сотнями казаков направил он [Анреп¹⁵] усмирять прибрежные деревни к северу от Четати, а в сём последнем селении оставил полковника Баумгартена¹⁶ с батальоном его полка, двумя орудиями, взводом гусар и 25 казаками.

Сам граф Анреп с полком пехоты и батареей, имея в 10-ти верстах за собою 12 эскадронов гусар, остался в Бейлешти и глубоко-мысленно отыскивал на карте базу своих действий.

К полному сожалению, граф Анреп базы своей не нашел и, любуясь по целым дням картою, не приметил самой простой штуки: что все части его отряда могут быть при мало-

мальски смышленном неприятеле по частям разбиты или, по крайней мере, если не разбиты, то вынуждены будут выдержать бой поодиночке.

От Четати до Груи, куда ушел Бельгард, – 40 верст, от Бейлешти до Четати – с лишком 30 верст.

19-го декабря турецкая кавалерия в числе от 1500 человек явилась пред Четати. Баумгартен занял позицию за селением.

Шальные турки бросались со всех сторон на батальон тобольцев и везде были отражены; все покушения кавалерии взять пехоту остались безуспешными. Неприятель отступил на Гунию и Модлавито. Баумгартен отгрызся [так в тексте. – В.Ш.] от назойливого врага.

Бельгард пришел к Четати ночью, а граф Анреп на другой день прислал спросить о здоровье Баумгартена.

Казалось, что эта первая попытка неприятеля атаковать клочок наших войск, выставленный отдельно у Четати, должна была образумить начальника отряда и заставить его расположить отряд свой не с таким бессмыслием, как это сделал Анреп; не так было на деле.

Конечно, с занятием Четати и прогулком Бельгарда вверх по Дунаю бунтующие граничары притихли, и сообщение сих деревень с Калафатом временно остановлено.

С прибытием к отряду Одесского егерского полка Анреп с полком пехоты, с пешей батареей и конной легкой батареей, дивизионом гусар остался по-прежнему в Бейлешти.

В Четати он оставил полковника Баумгартена с двумя батальонами и шестью легкими орудиями, эскадроном гусар и сотней казаков.

В Моциеи с Одесским полком с шестью орудиями, эскадроном гусар и сотней казаков остался Бельгард. Гусары стояли в Синешти, Круча и Чараям.

24-го декабря генерал граф Анреп диспозицией, данной войскам, определил, что каждая из сих отдельных частей должна содействовать одна другой, следуя при первом выстреле на выручку атакованной части.

25-го декабря турки, желая убедиться, в какой степени генерал граф Анреп-Эльмнт выполнит свое обещание, в числе свыше 15000 человек, из коих от 2-х до 3-х тысяч кавалерии, при 24 орудиях, направились от деревни Гунии на селение Четати.

Не смешался храбрый полковник Баумгартен, не потерял он головы в минуту трудную. Не дрогнули тобольцы при виде тучи врагов, весело они выдвинулись вперед и заняли позицию у селения Фаншыни-Баналуй. Грозно

встретили они врага пулей и штыком и отражали его повсюду. Два часа полковник Баумгартен выдерживал кровопролитный бой на позиции Фаншыни-Баналуй, но, видя, что силы неприятеля растут и обложили тобольцев со всех сторон, он решился перейти на другую, знакомую ему позицию за деревню Четати. Стройно шли наши тобольцы через селение, огрызались они направо и налево, и впереди и сзади, и была уже в виду желаемая позиция, но нашли её занятой неприятелем. Тяжело было Баумгартену, но не задумался удамой полковник. Взяв батальон, он ударил на врага штыком, вытеснил его из окопов, завладел позицией и отнял два орудия.

Но не понравились дела Баумгартену. Он должен снова выдержать натиск большой массы неприятеля, собравшейся у него перед фронтом и на фланге. Потери, понесенные им, были страшно велики, прислуга, лошади у орудия были перебиты, много офицеров выбыло из строя.

Держались тобольцы – Бог хранил им отца-командира. Баумгартен был привидением тобольцев.

Между тем генерал Бельгард, бывший в 12-ти верстах от Четати, по первому выстрелу собрав свои войска, двинулся из Моциеи к Четати.

Рассчитывая, что в это же время граф Анреп, согласно диспозиции, выйдет из Бейлешти и занятием Модловито отрежет неприятеля от Калафата, генерал Бельгард разделил Одесский полк на две колонны, с одною сам пошел на Гунию, а другую под начальством командира полка генерала Жигмонта¹⁷ направил к северу от Гунии пониже Четати.

Сильная пальба у Четати свидетельствовала о том, что у Баумгартена дела очень плохи. От графа Анрепа не было никакого известия. Все это заставило Бельгарда отказаться от намерения отрезать путь неприятелю и принять вправо, дабы соединиться с Жигмонтом и выручать только Баумгартена.

Лучше было бы, если бы генерал Бельгард без всяких мудрствований, не разделяя своих сил на части, двинул прямо на выручку Баумгартена.

Слабые колонны Бельгарда были стремительно атакованы турками. Крепко досталось одессцам: четыре батальонных командира убиты и много офицеров выбыло из строя.

Запоздалое движение Анрепа к Модловито было все-таки причиной того, что турки, опасаясь за свой тыл, поспешили отступить к Калафату.

Посмотрим, что во все это время делал граф Анреп.

Немецкий граф затеял справлять русский праздник Рождества Христова, для этого он собрал церковный парад.

В 8 часов утра в Бейлешти услышали первый выстрел, раздавшийся в Четати. Праздничный граф Анреп забыл данную им диспозицию и, приняв поздравления от валахской сволочи, пошел творить церковный парад.

Несмотря на все представления идти вперед, навстречу неприятелю и на выручку своих, Анреп пошел в церковь.

Впервые молитва русского солдата в Христов день замирала на устах православного или изрыгалась вместе с бранною речью на начальника-немца, который, несмотря на страшную канонаду, оставался равнодушным зрителем чуждого ему обряда церковного и не шел на выручку товарищей.

– Наших бьют, а мы молимся, вместо того, чтобы выручать своих! Нехорошо, братцы! – говорили между собою солдаты. – Бог не простит нам этого. Ему, немцу, другая речь! Известное дело, немецкий Бог – не то, что русский, навстречу своим не ходит, так и от них ничего не требует!

Несмотря на все представления, граф Анреп около 2-х часов выступил из Бейлешти, дождавшись сначала прибытия туда кавалерии. Останавливая несколько раз отряд на пути, наконец добрал он до дистанции Скрипетул и снова остановился.

Нестройными толпами в виду Анрепа и казаков пробивался неприятель от Гунии через Модловито к Калафату.

Видел все это Анреп и не тронулся с места.

Был при Анрепе валахский полковник Соломон, бывший партизаном в прошлую войну. Храбрая, отчаянная голова не выдержала при виде бегущего врага.

– Модловито! – вскрикнул энергически Соломон. – Модловито, – повторил он, прибавив одну из тех русских фраз, от которых Анрепа всегда бросало в краску.

С презрением непонятого величия взглянул Анреп на Соломона и что-то очень непонятное ни себе, ни другим заговорил о Боге и путях наступления и отступления.

Между тем отряд стоял на месте. Молчаливое спокойствие выражало общее неудовольствие, но все было тихо. Без приказа начальства не двигается солдат вперед и немного рассуждает. Между тем, были там и сям слышны рассказы:

– А что, Сидорыч, отчего нейдешь вперед-

то? Вишь, как бегут окаянные! Хорошо бы их накрыть-то было.

– Нейдем, вестимо, отчего нейдем! Приказа не было.

– Да почему же генерал Анропов приказа не дает?

– Не дает! Известное дело, почему не дает! Не дает потому, что он сам из ихних анропов. Ведь у турок-то много из этой фамилии на службе, а нашего-то генерала два племянника служат при самом Омере!

– Эге! Так вот что он! – заметило несколько голосов в куче, и разошлись, как бы довольные тем, что отыскали причину страшного бездействия начальника.

Отряд вернулся в Бейлешти, начальник отряда генерал Анропов даже не дал себе труда съездить к тобольцам, навестить одессцев, сказать приветливое слово раненым, помочь несчастным. Он снова раскрыл карту и с прежним глубокомыслием заговорил о базе, о движениях – и уверял всех и каждого, что он действовал со всюю мудростью и осторожностью великого полководца, и что если бы завтра повторился подобный случай, то и тогда он поступил бы так, а не иначе. К счастью нашему, второй попытки со стороны неприятеля не было.

Дорого стоило нам дело при Четати: 5 штаб-офицеров, 17 обер-офицеров и 813 нижних чинов убиты; 1 генерал, 10 обер-офицеров и 1157 нижних чинов ранены.

<...> 3-го января [1854 г.] командующий войсками выехал из Бухареста в Крайово; почти вся Главная квартира пустилась вслед за предводителем армии. Жители Бухареста, разиня рот, смотрели вслед отъезжающим героям, жалея об участии калафатских турок. Распутица была страшная. Лошади и экипажи вязли – свойство валахской грязи, и были вытаскиваемы волами и людьми, созываемыми из деревень.

Наконец, после всех испытаний князь и первый транспорт 6-го января прибыли в Крайово.

Князь-наместник раненым под Четати роздал кресты. Нельзя было не любоваться героями. Надобно видеть и слышать рассказы храбрых, которые, несмотря на страдания от ран, проникнутые героизмом, горели желанием скорее стать в ряды сотоварищей и наказать турка за кровь своих собратьев.

Различные сведения о покушении турок на Зимнич и Турно волновали командующего войсками. Он боялся за тыл калафатского отряда, боялся за Бухарест, боялся за все батареи, следовавшие к Бейлешти, боялся за все, и

9-го числа ко всему читающему и судящему миру писал в Петербург, Варшаву, Тифлис и Севастополь.

Наконец, 9-го прибыли в Бейлешти. 10-го навестили тобольцев, с 11-го начали сочинять позицию, хлопотать о подвозе палаток (которые ни к чему не пригодились), о парках и хлебе, в котором при большом избытке все-таки нуждались.

Наконец, диспозиция кончена. 15-го января войско сосредоточилось в 3-х пунктах, а 16-го четырьмя колоннами двинулась: одной на Гунию, а тремя остальными на станцию Скрипетул.

В 9 часов утра головы колонн достигли станции Скрипетул, начали строить боевой порядок, долго строились...

Между тем три сотни казаков, к которым в виде волонтера пристроился Генерального Штаба подполковник Меньков, пошли открывать неприятеля и двинулись от Скрипетула на Модловито. Турки последовательно оставляли линии курганов и отходили к селению, казаки шли по пятам за неприятелем. Вошли они в Модловито, вышли на дорогу в Голеницы-Команы и всё вслед за ними да за ними – подошли к опушке деревни.

Подполковник Меньков шлет записки к князю: "Модловито очищено, – пишет он, – Команы заняты!"

Бойтся князь, чтобы не отрезали Менькова с казаками.

"Отступить и очистить Команы, заманить неприятеля и навести его на главные силы", – привёз приказание князя адъютант его.

Около тысячи жалких кавалеристов без оглядки ударили от трех сотен казаков, и их-то думали навести на тридцатитысячную колонну, но не так же они глупы, как с первого взгляда кажутся.

Казаки, вовремя усиленные двумя-тремя эскадронами кавалерии, с двумя орудиями, легко могли отхватить горсть взбодораженных, художонных турок.

Было сделано иначе. К казакам прибыл Анреп, за ним приехал Бутурлин, сам походный атаман, командир казачьего полка и много тех из начальствующих, которые всегда поспевают к авангарду, – как неприятель отошел и когда представляется прекрасный случай на высоком кургане развить теорию своих стратегических правил.

Между тем, главные силы в боевом порядке стояли у Скрипетула. Командующий войсками решал вопрос: как занять очищенное неприятелем Модловито, в то время ког-

да передовые казаки были уже за Голеница-Команы. После долгих прений решено было авангард Бельгарда направить между Гунией и Модловито и соединить с колонной Баумгартена, следовавшей из Гунии, пройти через Модловито и выйти в голове главной колонны, которая в это время выдвинется на высоты селения. Прошел авангард через Модловито, не нашел неприятеля, стал в голове колонны и снова остановился, а время идет...

Наконец, по настоянию генерал-квартирмейстера, не выдавшего впереди никакой опасности, выслали Александрийский гусарский полк с 4 орудиями в обход правого фланга неприятеля. В голове полка неся отважный Бутурлин. Гусары обошли левый фланг казаков, бывших с Меньковым, двинулись вперед. Турки повернули коней, казаки и гусары за ними, проскакали сажень 300. Отбой!

Неприятель не остановился по нашему отбою. Казаки выдвинулись, полюбовались калафатскими укреплениями, и видно было, как всполошился Калафат, да идти вперед не велено; и на этот раз весьма благоразумно, тем более что день вечерел.

Было получено сведение, что селения Модловито и в особенности Голеницы-Команы обнесены глубокими рвами, и что на местности перед ними имеется большое количество мин. Обстоятельство это было причиною важных опасений.

Все вообще деревни в этой стороне обнесены рвами, но рвами самыми невинными, не составляющими препятствия не только для людей, но и скота, который свободно гуляет по окрестным полям.

Одного очень почтенного генерала, не бывшего, впрочем, ни в одной кампании, чрезвычайно напугало известие о минах. От самой станции Скрипетул до Голеницы-Команы он весьма осторожно пробирался вперед и, подобно журавлю, переступал с ноги на ногу, боясь взлететь на воздух.

По приказанию главнокомандующего войсками весьма мелкие рвы для свободного движения артиллерии были срываемы саперами и рабочими.

Около 4-х часов пополудни авангард расположился при Голеницы-Команы, главные силы стали у Модловито.

В этот блестящий день, увенчавший славою Бейлештское движение, селение Пояны, лежащее на левом фланге нашей позиции, почти на одной высоте Голеницы-Команы, не было занято нашими войсками. Смелый, смы-

сленный неприятель дорого бы заставил заплатить нас за подобную любезность, но турки спрятались за калафатские окопы и без выстрела очистили Пояны.

17-го января была произведена рекогносцировка, часть отряда перешла в Косны, другая часть выдвинулась к Калафату. Неприятель сделал несколько безвредных выстрелов с крайней своей батареи.

Полюбовавшись издали калафатской позицией, течением Дуная и прибрежными холмами, начальство и войско возвратилось в землянки модловитские.

На другой день также рекогносцировка и выбор мест для укреплений позиций при Модловито. День этот, впрочем, весьма замечателен в жизни Мало-Валахского отряда. Генерал Анрапов заменен генералом Липранди.

Снабдив инструкциями нового начальника отряда, командующий войсками возвратился в Крайово и оттуда в Бухарест. <...>

<...> Много испытаний перенес Мало-Валахский отряд, много в жизни его было горьких дней. Был день кровавый, но не было дней радостных!

В простой, нехитростной сказке многое можно было бы прибавить и досказать, но ничего не придумаешь радостного...

Краткий очерк быта отряда служит доказательством, что и в общем, как в частности, бывают несчастья – неудачи.

Случалось ли вам встречать человека умного, доброго, дельного, с полным смыслом и практическим умением взяться за дело, но которому ничего не удастся?

Бывает так: начнет он дело хорошо, ведет его как следует, вдруг какое-нибудь неожиданное и совершенно пустое обстоятельство расстраивает все его предположения, и дело, прекрасное веденное, оканчивается нелепостью!

Такова участь Мало-Валахского отряда: пережил он период детства и бессмыслия, двукратно крестился в Четатинском бою и нажил себе в Липранди начальника мудрого, смышленного, любимого – а все как-то не клеится.

В настоящее время Мало-Валахский отряд – блокадный отряд; войска его окружили Калафат, стеснили турок, но и сами связаны по рукам и по ногам.

Брать Калафат открытой силой – нет никакой цели. А потому, что отрицательные выгоды овладения этим пунктом не искупили бы крови, которая может быть пролита при штурме укреплений.

Должно ожидать, что, быть может, более или менее энергические действия на других пунктах Театра войны решат калафатский вопрос без кровопролития.

Що було – то бачили.

Що буде – побачим.

Февраля 1854 г.

Государственный архив Российской Федерации. Фонд: Коллекция Зимнего Дворца. Опись 1, дело 2258.

Примечания

¹ Меншиков А.С. – светлейший князь, генерал-адъютант, адмирал, главнокомандующий сухопутными и морскими силами в период Крымской войны. (VII.1853–II.1855).

² Горчаков М.Д. – князь, генерал-адъютант, генерал от артиллерии, главнокомандующий Южной армией и военно-морскими силами.

³ Омер-паша (Михаил Латтас, выходец из Хорватии, принявший ислам) – маршал Турции, командующий турецкими войсками в составе сил антирусской коалиции.

⁴ Фишбах Н.К. – генерал-лейтенант, и. о. командира сводного отряда войск Южной армии в Малой Валахии.

⁵ Павлов П.Я. – генерал-лейтенант, командир Ольteniцкого отряда Южной армии.

⁶ Данненберг П.А. – генерал-майор, командир корпуса.

⁷ Веймарн П.В. – полковник, затем генерал, командовал различными соединениями в период Дунайской кампании.

⁸ Меньков П.К. – подполковник, затем полковник Генерального Штаба, прикомандированный к штабу князя М.Д. Горчакова.

⁹ Коцебу П.Е. – генерал-адъютант, начальник штаба князя М.Д. Горчакова, командовал переправой части сил вторжения под Галацем.

¹⁰ Липранди П.П. – генерал-лейтенант, командир 12-й пехотной дивизии, командир Мало-Валахского отряда для прикрытия правого фланга Южной армии.

¹¹ Бутурлин С.П. – генерал-квартирмейстер штаба князя М.Д. Горчакова.

¹² Эрнрод В.К. – подполковник, затем полковник при штабе князя М.Д. Горчакова.

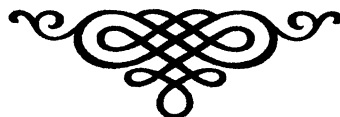
¹³ Мортинау К. – полковник оперативного отдела штаба Южной армии.

¹⁴ Бельгард (Белгард) К.А. – генерал-майор, командир отдельной сводной бригады сил вторжения в Малой Валахии.

¹⁵ Анреп-Эльмпт (Анропов, Анрапов) И.Р. – граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, командовал авангардом сил вторжения в Дунайские княжества, Мало-Валахским отрядом Южной армии; затем был отчислен в свиту императора Николая I.

¹⁶ Баумгартен Д.К. – полковник, затем генерал-майор, командир Тобольского пехотного полка.

¹⁷ Жигмонт Л.-У. – генерал-майор, командир Одесского полка.

А.А. Кулаков (МГОПУ им. М.А. Шолохова)

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА ВО ВРЕМЯ АВСТРИЙСКОЙ ОККУПАЦИИ 1854–1855 ГОДОВ

Крымская война стала собственно «крымской» лишь спустя год после своего официального начала. Вплоть до этого момента мало кто мог предположить, что война обретет в историографии свое современное название, поскольку все внимание военных и дипломатов было приковано к Дунайским княжествам. Именно в княжествах и вокруг них разворачивались события, во многом определившие и дальнейший ход, и финал этого грандиозного конфликта.

Несмотря на это, «дунайский» период войны (с октября 1853 по июнь 1854 г.) явно проигрывает в освещении историками «крымскому». Что же касается событий, происходивших в княжествах после того, как там прекратились боевые действия, то практически во всех работах их описание заканчивается на сообщении о том, что в июне 1854 г. Россия под давлением Австрии вывела войска из Молдавии и Валахии, которые вслед за тем были заняты турецкими и австрийскими войсками. Все. Дальше – Альма, Севастополь... Париж. На этом фоне молчаливое, пассивное, но, тем не менее, крайне напряженное противостояние четырех русских корпусов и большей части австрийских войск по всей границе империи от устья Дуная до Царства Польского просто не замечается.

Австрия, не вступив в войну, внесла колоссальный вклад в поражение России. И сделала это, разумеется, с определенными целями. Представляется, что цели эти нужно искать именно в Дунайских княжествах.

Публикуемые здесь записки, обнаруженные в делах III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации, в основном дают представление об общественном мнении жителей Бухареста с лета 1854 по февраль 1855 г., формировавшемся на фоне военных приготовлений Австрии.

Видимо, автор этого текста, купец Петр Никифоров, записал свои впечатления от пребывания в Бухаресте уже в России в декабре 1855 г. и направил их начальнику штаба корпуса жандармов Л.В. Дубельту, указав в сопроводительном письме просьбу представить

записки императору Александру II¹. Леонтий Васильевич, видимо, по достоинству оценил столь неглупый поступок купца 3 гильдии. Благодаря этому мы получили возможность ознакомиться с этим любопытнейшим документом.

Текст приводится с сохранением орфографии и пунктуации без сохранения написания прописных и строчных букв.

«Собрание истинных сведений
в Букаресте

Во время плена с 17 июля 1854 по 17 марта
1855 года.

Его Величеству

Императору Всероссийскому

Александру Николаевичу

Государю Всемиловейшему

Оставленный судьбою на все лишения без средств к жизни в Букаресте, по разлуке с войсками нашими, я был в необходимости слушать и смотреть на все происходившее вокруг себя от врагов России.

Во время пребывания войск наших в Валахии, молдаване с пришельцами к ним из Европы под фирмою своих консулов в Придунайских княжествах своею пропагандою возмущали народ к ненависти против России, с поводу якобы строптивого властолюбия консула ее после выезда из княжества генерала Киселева (ныне графа и министра государственных имуществ), изменился порядок дел благословенных от России, в тягость народную; в следствие сего увеличилось недоброжелательство к ней, и по сей причине войска наши терпели от жителей неприятности; но повинувшись дисциплине, молчали и пользовались только водою и воздухом без денег, за все платили золотом, но платеж производился за продукты, взятые у жителей под квитанции от комиссионеров, не сей же час, а по утверждении начальством справочных цен и по требованиям от войск из Комиссариата деньги отпускались к министру внутренних дел, а от него пересылались в Вистерию т.е. в казначейство, для уплаты кому следовало; при сих передачах сумм от форменности, возникло злоупотребление в платеже, а когда войска вышли в Россию, тогда оказалось, что многие по квитанциям не получили по 2 и по 3 т[ысячи] червон-

цев; причиною сему был выезд из Букареста в Австрию известных там лиц состоящих на службе, прежде выхода войск наших за полмесяца, никто не мог думать, что войска скоро уйдут и не от кого будет получить деньги, как и случилось, что из богатых арендаторов и поселян сделали многих нищими, от сих обиженных жалобы и анархистов ненависть к России в народе более и более увеличили и жители приходу турок были рады и принимали их с восторгом, сыпали из окошек цветами и венками по городу на идущих, как на друзей и союзников своих.

После сего чрез месяц прием австрийцев был холоден, с отвращением смотрели на них молдаване, за то последние по приходе своем скоро поступили с жителями горше первых, оне вынудили дать каждому солдату кроме квартиры, отопления и освещения еще тюфяк, подушку и одеяло, и сверх того производя всякого рода насилия, грабежи и убийства каждый день по несколько; в 8 месяцев было 360 происшествий в одном Букаресте, кроме того, что в городах и селах, где без главного начальства, буйство было увеличено, ко всему этому, следует присовокупить еще перевозку тяжестей и больных во время передвижения войск двум армиям безденежно и без очереди по недостатку подвод, не успели сеять хлеба, ни собрать его, у кого и был остался на поле нежатым, захватила осень, дожди, грязь, слякоть, разлитие горных речек, сделалась страна непроходимой, без сообщения с лесами, никто не заготовил топлива, для обогрения себя от стужи, разобрали заборы, крыши сараев, и всякое дерево при доме сожжено в печи; бедные же люди, не имея сего, многия погибли от холода и голода целыми семействами*; к сему еще падеж скота без корма и от изнурения его в работе, увеличило бедствие; гуляющий же скот, птицу и фураж у кого какой был, забрали турки под квитанции в счет платежа, следуемого Порте по трактатам за несколько лет вперед и кроме сего надобно было турок одеть

и обусть, а многим и коня дать, на счет сумм, какие были в княжествах; австрийцы же, хотя и платили за все взятое, но не золотом, а банкнотами с потерей получателей от 25% до 30% на 100; за все сии лишения и разорения вопль от народа до князя их Щербея² хотя и доходил, но он не мог его слушать по двум причинам: Первое [здесь и далее подчеркнуто в тексте оригинала. – А.К.], нельзя было уличать злоупотребление и буйство союзников своих австрийцев, которые в Вене князю Щербею дали убежище от русских и которые против желания бояр, и вопреки туркам, возвели его из Вены в Букарест, на княжество силою оружия своего в сопровождении артиллерии с зажженными фитилями, в боевом строю пехоты и кавалерии; и Второе, австрийцы пользуясь превосходством своих сил противу турок, заняли княжества под предлогом для спокойствия страны и в угождение союзников Запада с целью теснить Россию из Бессарабии, как предполагали; но в этом немцы почитали мало пользы их правительству, оне прибегли ко всяким беспорядкам, дабы тем принудить жителей к восстанию против них и тогда, подавая возмущение, вправе требовать за все время стояния у них военные издержки в великой цифре, а по неплатежу сего от княжеств, предполагали распорядиться с княжествами впоследствии, как англичане воспользовались Ионическими островами, [в] сие коварное намерение австрийцев проник князь Щербей и должен был снисходить на все буйства молчалием своим и жертвовать терпением народа до времени благоприятного, в ожидании помощи не со стороны России, а от трех союзников: турко-англо-франков, по уверению их консулов с приходом их войск надеясь выгнать австрийцев из княжеств, а между тем поучительные уроки буйства и грабежи возвеличились между жителями, и отозвались во всех классах народа жалобами на друзей и союзников своих австрийцев; и тем заглушили между собою пропаганду революционеров о ненависти к России; чему я был свидетелем, теперь удвоившагося желания молдаван иметь всегда у себя Россию с теми правами, какие она дала княжествам.

Со времени плена моего в Букаресте в продолжении 8ми месяцев я познакомился с славянами, служащими в австрийской военной службе штаб и обер-офицерами и нижними чинами, с священно-иеромонахами, в полках с людьми собранными из Галиции, Баната, Срема, Бачки, сербы, кроаты, хорваты и особо проживающие в Букаресте купцы: болгары и

* А в особенности болгар, поселившихся с давних времен, коих в городе более 20.000 жителей, у коих вся торговля в руках во всем княжестве: мануфактурная и земледельческая, из них многие есть банкиры с состоянием миллиона червонцев, обладают большими средствами промышленности, не имея ни единой церкви славянской, ни общественного училища, ни богоугодных заведений для призрения бедного сословия своих единоплеменных сирот и увечных людей, пользуются готовыми заведениями от молдаван, теряя свою национальную народность, подавляемую великим стяженно-любом своим без помощи ближнему.

греки, из разных стран Турции православного исповедания, почитая меня оставленного за дипломата от России; для них в настоящее время каждый русский дипломат и брат по религии церковному языку и отдаленности от своих родных в земле чуждой, в кругу общих врагов турок и швабов [т. е. немцев. – А.К.] (как оне выражались); эти элементы чувств наших взаимно один к другому по симпатии развязали языки наши, мы привели себя во взаимное доверие и откровенно рассуждали обо всем.

После заключения конвенции Франца Иосифа с западными союзниками в декабре 1854 года; пущен был по Бухаресту слух, что Австрия объявила войну России, а как я был там один представитель (как меня называли) без сношения с Россиею, что было мне чрезвычайно скучно, где Россия осталась известною только по карте; желая узнать истину о намерении Австрии, пошел я к добрым моим австрийским сербам, застал их пирующими пред портретом государя Императора Николая Павловича, по причине полученного повеления быть готовым к походу, но неизвестно куда, а по догадкам говорят, что якобы против России; на вопрос мой, так что же за радость, что вы будете драться с русскими, братьями вашими по религии и по крови единой славянской, защищать общих врагов наших турок; не угадал ты, брат наш, мы с русскими драться не будем; а вот видишь портрет Государя своего Николая Павловича, мы ему присягаем (оборота портрет Франца Иосифа лицом к стене), при первой встрече с русскими, мы встанем в ряды их и с пушкою в руках т. е. с ружьем, пойдем вместе с ними для освобождения кущей наших т. е. домов, пора сбросить ярмо коварства непризнательного дома Аугсбург*, нас 20.000.000 славян, держим его престол и проливаем свою кровь, мы в 1849 году в Пьемонте покорили 18.000.000 восставших [т. е. восставших. – А.К.] против его в революции, мы из 120.000 воинов, возвратились в свои кущи только 80.000; за такой подвиг, в награду он отнимает от нас поземельное право предками его нам данное, отдает земли в

аренду католикам для стеснения нас, кроме того стесняет Богослужения и обряды восточной нашей Церкви, отдает все преимущества над нами духовенству католическому, принуждает нас быть католиками, а своим швабам, раздает военные и гражданские чины, лишая нас заслуженного, и позволяет полиции теснить нас, как иноплеменных еретиков; за все сие теперь самое благоприятное время быть верноподданным России, она займет нашу страну, даст нам права наши в Галиции, Венгрии и Трансильвании, от Кракова по Венецию, со всеми вышеименованными поколениями; все единодушно повторяем будем верноподданными России без выстрела; и всякий противящийся сему, накажется от нас, мы защитим свои границы сухопутно от Европы до Адриатики и Белого моря, мы с сербами, обитающими во всех провинциях Австрии и Турции, булгарами и греками, все от 7 до 70 лет обоим пола вооружимся и с помощью Божиею и России и арсеналов ея слошим рогатую луну, не защитит ея союз Запада; Бог поможет нам управиться с революционерами и ренегатами, в короткое время заставим их убираться в Осмаилы, в Мекку и Медину; Константинополь должен быть резиденциею русских царей и императоров, а Дарданеллы – морскою гаванью российского флота, оставив немцев с Веною в подданстве немцам же северным; а до того Россия и описанные страны наши никогда не могут быть покойны от Австрии поставленной Европою в посредничество льстить России и угрожать ей оружием нашим, покуда мы славяне и венгры будем вашими и работниками корыстолюбивого и двуличного дома, будет с него довольно 180.000.000 гульденов в Английском банке, капитала несправедливо стяженного от нас, за это Бог ему будет судия, тогда и пущай он и любимцы его убираются к друзьям своим где их капитал на всемирной торговле; после сей речи выпили тост за Государя Императора Николая Павловича, другой за всех славян православных, разошлись с восторгом, с каким я во всю мою жизнь не бывал, восхищен радостью, что нашел друзей моего отечества, вне его, такого великого народа.

После сего чрез несколько дней, австрийцы получили повеление расположиться по прежнему на зимних квартирах до весны, о этом горько сетовали и скорбели друзья мои, что ярмо с них не снимается, пожалел я о участи их и вошел в обыкновенную колею моих размышлений; как бы добраться со всеми новостями в мое отечество.

* К России; – она спасла его в 1848 году, как сына от ножа убийц, он обязан за сие Государю Императору Николаю Павловичу своим существованием и вся Австрия свободным плаванием по Дунаю и своею торговлею с Востоком; а ныне его убийцы и убийцы всего священного на земном шаре, подняли оружие против его, благодетеля, и России, и он с ними же. О!!!.. это верх бесчестия; мы не допустим сего; а его уничтожим.

<...> Рано утром 20 февраля в Гостином ряду купец-булгарин объявил мне печальную весть о смерти Государя Императора Николая Павловича; я не верил, пошел дальше, и другой тоже говорит и в тот день из Вены 60 депешей телеграфических получено разными лицами, уверили о громовой истине, скорбь и уныние распространилось между друзьями России; друзья же союза Запада три дни пировали у консулов: французского, английского и сардинского, там они Россию делили на части между собою, и не забыли Польшу, ей больше всех дали по Курск, говоря притом, что государь наследник был в Киеве, а без него в С. Петербурге присягнули Его Императорскому Высочеству Константину Николаевичу и что Великие князья Михаил и Николай Николаевич, ранены под Севастополем и лежат больные в Симферополе и что во всей России теперь революция, все сии лжи присылались из Парижа и печатались по три дня в Букарестском вестнике, горько было это слушать до получения депеши о благополучном восшествии на престол Вашего Императорского Величества; узнавши основательно о сем, греческий священник в церкви Саранданар, служил прежде панихиду по государе Николае Павловиче, а потом благодарственный молебен о восшествии на престол Вашего Императорского Величества в присутствии нескольких греков и меня, за то был ропот на него, от врагов России; но князь Щербей чрез полицию опубликовал не вмешиваться в обряд священников; молдаванское же духовенство обряда сего не сделало, якобы из подобострастия к туркам, которые и не думали вмешиваться в обряд священный.

Вслед за сим союзники еще праздновали два дни великим пиром, по известии из Парижа, что князь [Михаил Дмитриевич] Горчаков, назначен в Крым на место князя Меншикова главнокомандующим; этот пир меня крепко занял и я старался узнать причину его; в полиции шеф канцелярии г. Маркополий, бывший бердянский 1 гильдии купец и уроженец острова Хио[с], французско-подданный; в доверии у своего консула, он сообщал мне тайны союзников и во всем мне помогал к освобождению моему от турецкого начальства, был моим избавителем и передавал мне суждения о действиях войны и почему союзники довольны князем Горчаковым и за что клянут и бранят князя Меншикова.

<...> Во время Алминского сражения, союзники захватили в плен адъютанта князя Меншикова, ехавшего в карете с донесением от

князя Государю Императору Николаю Павловичу, что войска у него мало и что Севастополь не укреплен с южной стороны а с северной неприступен, чему оне поверили (а в настоящем деле он ни с той ни с другой стороны сухопутно не был укреплен), когда они зашли на южную сторону, а войска наши заняли Севастополь северную сторону и Мекензину гору [т. е. Маккензиевы высоты. – А.К.], и в сообщении с Россией, тогда оне узнали, что в это заблуждение привела их карета князя Меншикова; так много наделавшая шуму в Валахии и во всей Европе пленом своим; после мимолетной радости о приобретении кареты, скоро разочаровались, союзники, оне в прошедшую зиму из своих армий во всех местах в Валахии, Шумле, Варне, Адрианополе, Галлиполи, Евпатории вокруг Севастополя и Балаклаве, во время бурь холеры и от разных смертей всех стихий и от русского оружия погибло более 320.000 человек, кроме всех лошадей и вьючного скота, разбитие большого числа кораблей во флоте их, повреждено и потоплено, и сверх того они неподвижны с Южной стороны Севастополя на северную; вот истинная причина клятвы их князю Меншикову и его карете.

<...> За сим следует суждение о предмете радости их князе Горчакове, оне рассуждают, что князь Горчаков, был когда то умным человеком на паркете между нежным полом; но с тупою саблею, а ныне от старости лет потерял ее и военную энергию в рассеянности своей; он по приходе своем в Букарест как к друзьям своим, расположился по квартирам и не помышлял, что европейцы не дремлют и что из бояр Валахии есть преданные Западу; некто Кемпениано, считающийся сумасшедшим, ездил в Париж и Лондон, там он громко жаловался членам в парламентах в полном собрании; просил их вступить за человечество, избавить княжества придунайския от разорения и тирании народной от России, и был принят там с участием на положение их страны, и ныне он у консулов союза в Букаресте в большом уважении; по выходе же войск наших, бояре выбрали его в министры церковных имуществ, для исправления своего имущества, расстроившегося от поездки в Европу и вслед за сим бояре удалили из военной службы генерала и многих штаб- и обер-офицеров, преданных России и заменили их из партии союзников Запада, этим и следующим, объясняется непредосторожность князя Горчакова в доверии к лицам продажной чести, он употреблял фискалов, для узнавания во-

енных маневров Омера-паши³, больше преданных паше, чем князю, как оказалось впоследствии, из молдаван некто Майсаки, писал потурецки о распоряжениях князя Горчакова, в Шумлу к Омер-паше, о чем был извещен австрийский генеральный консул в Букаресте от своего вице-консула из Рушук; с препровождением копии дизлукации [так в тексте, т. е. приказа. – А.К.] князя Горчакова, по коей еще не исполнено, а имеет быть выход войск из Букареста под Калафат, несколько батальонов пехоты, кавалерии и артиллерии, 8, 10, 12 и 16 числа декабря 1853 года; и действительно вышли в назначенные дни, проливных дождей, слякоти и грязи, на помощь нашему малому отряду 3000 человек пехоты с 4мя орудиями были атакованы неприятелем 18.000ю армиею с 24мя орудиями; рано утром 25 декабря дрались наши воины с неприятелем как львы, и подоспевшую помощь из Букареста, передовой отряд спас сражавшихся, однако с убылью из фронта около 1800 человек, а в то же время генерал Анреп, по распоряжению князя Горчакова, стоял в 30ти верстах от сражения, занимался церковным парадом, слышал канонаду, и по третьему нарочно-посланному, пошел на помощь, когда уже дело было окончено; о приготовлении же неприятеля к сему делу, князь Горчаков знал от последних чисел августа из рапортов отрядного командира из под Калафата с каждою почтою и нарочно присылаемым, не мог распорядится заблаговременно в продолжении 3 1/2 месяцев, из числа 300 орудий стоящих по квартирам в окрестностях Букареста, послать достаточное число артиллерии к отряду, где только было 6 орудий, а в деле 4; за сим союзники исчисляли другие заслуги князя Горчакова:

<...>Первое, от Букареста в 50ти верстах в Олтенице, не осмотрена была князем Горчаковым позиция, турки переправились чрез Дунай, оттеснили малой отряд козаков и укрепились в карантине и стали производить грабежи по селам, тогда чрез два месяца, вздумал князь Горчаков, послать инженера, снять позицию на план, натурально не верно, за несколько верст не допущен был выстрелами с укрепления, на пространстве 3-х верст, были рвы, болота и волчьи ямы, коих он не мог видеть, по сей диспозиции велено идти на приступ выгнать турок, и потеряли около 1700 человек; не причиняя ни какого вреда неприятелю и отступили.

<...>Второе, под Силистриею два князя: Паскевич и Горчаков, рассуждали командовать осадю крепости сами, удаливши от командо-

вания генерала Лидерса, стали производить канонаду, не обложив двух ворот со стороны Туртукая, откуда подвозили в крепость съестные и боевые припасы и делали вылазки в тыл русских били сколько могли и тем спасли Силистрию до времени отступления в Россию.

<...>Третье: при отступлении от Журжи, не введены были в дело 18ть орудий и несколько батальонов пехоты и кавалерии стоящих в 22х верстах без повеления и тем дали возможность туркам переправиться чрез Дунай в Журжу и по 14ти часовом бою, оттеснили русских с большим уроном, из Журжи на 10ть верст, куда князь Горчаков, на другой день приехал с генералом Коцебу осмотреть позицию Журжи и Слободзеи, только в зрительную трубу и принужден был следовать в Россию по повелению уже Государя Императора и в заключение.

<...>Четвертое: генерал Карамзин с отрядом своим и с помощью нескольких ящиков шампанского, хотел прогнать турок от Слатина до Крайово, попал в болото и оставил три пушки туркам и себя изрубленного там же.

<...>Все описанные ошибки мог исправлять и покуражить войска один только генерал Шил[ь]дер, он после неудачного приступа над Олтеницею чрез несколько времени ночью поставил орудия на острове и выгнал турок из карантина укрепленного за Дунай с большею потерей убитыми и потопленными, а вскоре после того с 2х островов артиллериею своею из под Журжи заставил молчать, Рушук, беспокоивший Журжу; но все это не долго куражило русских воинов, тяжелая рана под Силистриею храброго генерала Шил[ь]дера взяла в могилу и лишила их главной опоры в военном действии.

<...>После частых поражений, действительно прискорбно было смотреть на воинов наших в Россию возвращавшихся с ропотом и унынием, говоря между собою, что еще русские никогда не отступали, ничего не сделавши и все это не удовольствие оне обратили на князя Паскевича; солдаты разбирая фамилии между собою, и рассудили, ич, значит Паскевич, поляк, от него вся измена и отступление, Государь не знает; говоря один другому, посмотри, коммиссионеры поляки, каждый привез с собою жида, дают гнилой провиант и почти не кормят нас, некому жаловаться, в полковых штабах: адъютант, казначей, квартирмейстер – все поляки, в ротах фельдфебели – жида, хоть с голоду умирай; ах! бывало служба та брат при генерале Лидерсе в 1848 году в Трансильвании, всего довольно, все сы-

ты и одеты, а как бы тепереча с Лидерсом то служили, так не шли бы мы назад, давно были бы в Царьграде; вот уж год прошел как мы здесь, а что мы сделали, только что нас везде бьют, кажется и много нас, да поставят там где не надобно, а где следует вовремя не дадут помощи, дают бусарману укрепляться на пустых местах, как под Олтеницею, а потом выгоняй его из крепости; – э брат! што тут толковать, от командиров поляков можно ли ожидать добра.

<...>О всем этом союзники знали и пировали в надежде, что и в Крыму будет также; оне рассуждали о действиях Военного Совета; когда то из Вены гоффригсрат⁴, посылал свои планы сражений в Италийскую армию свою бить французов; но во время пересылки их, французы движением своим изменяли планы занятием другой местности и били немцев; но тогда Австрию спас Суворов по планам в голове его; а ныне посмотрим, кто спасет Россию /:Бог:/ [так в тексте. – А.К.], от планов ея военного совета; оне в тревоге своей с Горчаковым, позабудут укрепить проливы: Керченский и Очаковский и что по завладении городами: в Черном и Азовском морях, разоря Севастополь, взявши Крым; перейдет вся торговля в руки союзников, по планам составленным Европою еще в 1836 году в тайне, а ныне только совершающимся; для сего то и был два дни пир; больно было мне и моему сердцу это слушать и друзья России, видевши их радость, осыпали меня вопросами о укреплениях: Очакова и Керченского пролива, зная, что я был там весною 1853 года, и тамошний житель, надобно было говорить им небывалое на деле.

<...>Когда князь Меншиков, отправился в Константинополь, тогда правительство наше распорядилось (в Николаеве и Керче, на казенных литейных заводах, устроенных в большем размере, только это и справедливо), перелить все пушки старого калибра на ново-изобретенный большой калибр: бомбический и ланкастерский, для укрепления Очаковской горы, которую предполагали обрезать полуциркулем в три этажа на повороте пролива и поставить орудия бомбическия, на каждый этаж по 20ти, для прицельного действия 2х пудовыми ядрами, а на верх горы орудия 3х и 5ти пудовыми ядрами и бомбами, для навесного действия по неприятельскому флоту за несколько верст навстречу с моря идущему в пролив; при таком укреплении конечно, неприятель не подвергнет себя опасности, противу 4х этажной батареи земляной с 80ю ору-

диями; а о Кинбурне же как о бесполезной крепости; не было и разговора; в Керче тоже как и в Николаеве перелили пушки на такой же калибр (где довольно было металла и антрацита; это справедливо) и поставили их на земляные же батареи, первая на углу берега при входе в пролив с Черного моря у Токлинского маяка о 20ти орудиях и от нея по берегу до Камыш-буруна три батареи такие же; а противоположно чрез пролив 4 версты на берегу Таманском у горы С[вятой] Марии, первая батарея и от нея вдоль пролива по косе к Керче в 4х местах, где были рыболовные заводы, поставлены батареи одинаковой величины, из них последняя на косе соединяется выстрелами на сильном действии с батареями: Павловскою и Камыш-бурунскою перекрестным огнем, где пролив только в 2 версты; сим рассказом успокоил я слушателей, но не на деле; затем оставя еще неприятелю свободные заливы для высадки десанта, оне суть следующие: первый, Ахметчесская бухта в имении князя Воронцова, между Перекопом и Эвпаториеном, удобна для входа со флотом; вторая, залив у Опук горы между Керчью и Феодосиею и третий; позади Феодосии за горою в 7ми верстах от города в Коктебель, где может неприятель сделать десант и в тыл Феодосию окружить и отрезать пути сообщения с Россиею, так что и в городе не будут знать о сем; и кроме того от Тамана в 18ти верстах по тракту к Анапу Бугаз, т.е. пролив из Черного моря в озеро Октаниз, потребно засыпать и тем преградится водою вторжение неприятеля в Черноморию канонерскими лодками в сказанное озеро и из него вверх по Кубани, ея ж воды обратятся по проливу от Тюрюка в Азовское море.

<...>Ко всему этому побуждает меня объяснить еще особое обстоятельство; во все время моего пребывания в Валахии год и семь месяцев, слышал я отзывы войск и от войск валахских и от местных жителей всех сословий, приезжающих из Трансильвании, все единогласно говорят, что генерал Лидерс, хороший воин, добрый гражданин, он в бытность свою в тех странах [в] 1848 году много делал добра всем жителям, и если бы он был в настоящую войну главнокомандующим, то лучше бы дела шли, так говорит глас народа, есть глас Бога.

<...>За сим я обратился с прилежным прошением моим к полиции Букареста, о помощи мне, каковою и был снабжен с выдачею мне денежного пособия и свидетельство 15 марта 1855 года за № 5816; и с надписью на паспорте моем, что я 28 августа 1853 года из Бесса-

рабии в м. Леоово, был пропущен с войсками чрез границу в Молдавию; и отправлен в Россию по распоряжению турецкаго начальства чрез Вену и Варшаву, пособиями добрых людей я достиг С. Петербурга. 3 июня сего года утрудил я просьбою моею на имя Вашего Императорскаго Величества о помощи мне, по рассмотрении ея г. статс секретарем у принятия прошений и г. министром финансов, найдены сказанныя документы недостаточными о моем разорении; о чем мне 8 ноября чрез полицию здесь объявлен отказ.

Объясняя сие Вашему Императорскому Величеству, что я лишился капитала моего более 10.000 руб. серебр[ом]. И всего, что имело место во время отступления войск наших из Валахии, был окружен турками без нашего начальства в земле уже враждебной; в присутствии их в Букаресте, никто свидетельства о разорении моем не осмелился; таковое обстоятельство при рассмотрении дела моего у г. статс секретаря в суждение не принято, и я существую здесь помощью двух подрядчиков купцов: Франштейна, Кудрявцова и откупщика Кокорева.

<...>За все потери мои от военных дел; осмеливаюсь просить Вашего Императорскаго Величества, повели Государь милосердием твоим пользоваться мне в С. Петербурге правом гражданина.

Вашего Императорскаго Величества
Всемиловитейшаго Государя
Верно подданный
Николаевский Зй Гильдии
Купец Петр Никофоров

Декабря « » дня 1855.

С. Петербург.

В 3 части 1 квартала в Перинной линии
в Гостинице Соколова».

*Государственный архив Российской Федерации.
Ф. 109. Оп. 28. Д. 170. Ч. 3. Л. 10–26.*

Примечания

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 28. Д. 170. Ч. 3. Л. 9-9 об.

² Имеется в виду князь Барбо Стирбей – валашский господарь. Во время пребывания в княжествах русских войск находился в Вене. С вводом австрийских войск его власть была восстановлена.

³ Омер-паша (ранее Михаил Латос) (1806–1871), турецкий военачальник, в 1853–1854 гг. главнокомандующий турецкими войсками на Дунае, с января 1855 г. командующий турецкими войсками в Крыму, в октябре 1855 – феврале 1856 г. командовал экспедиционным корпусом на Кавказе.

⁴ Придворный военный совет – австрийское военное ведомство.

А.Ш. Кадырбаев (ИБ РАН)

РОССИЯ НА КАСПИЙСКИХ РУБЕЖАХ: ОТ ЭПОХИ ЕКАТЕРИНЫ II ДО КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

По материалам Российского государственного архива ВМФ

Ко времени царствования в России Екатерины II заканчивается эпоха временщиков и частых дворцовых переворотов и наступает период стабилизации государства. В это время Россия добилась успехов в борьбе с Османской империей за преобладание на Черном море. На повестку дня в российской внешней политике выходит проблема укрепления позиций государства на каспийских рубежах, временно отложенная на несколько десятков лет после каспийского морского похода Петра I в 1723 г. С этой целью российским правительством осуществлялся комплекс военно-политических и экономических мероприятий, о чем свидетельствуют документы Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ): «В 1778 г. велено было построить в Казани три фрегата о 20-шестифунтовых пушках, один бомбардирский корабль о 2-х трех пудовых гаубицах и 12-ти шести фунтовых пушках, 4-х транспортных бота о 8-ми и 10-ти трехфунтовых орудиях. Таинственно и поспешно эскадра была выстроена и приведена в Астрахань в 1780 г. Здесь ее вооружили, укомплектовали командой, снабдили всем... и в следующем 1781 г. к немалому удивлению всех приехал в Астрахань капитан 2 ранга Войнович, принял команду над эскадрой и пошел с нею к Персидским берегам. Для чего? Никто не ведал. Сам Суворов, живший тогда в Астрахани, не знал того...»¹.

Присутствие в Астрахани русского полководца А.В. Суворова, к этому времени уже знаменитого победителя османов, говорит о значении, какое придавало российское правительство каспийскому направлению. А посвящение Суворова в тайну подготовки нового каспийского похода, возможно, объясняется его принадлежностью к сухопутному Военному ведомству, поскольку в это мероприятие всецело посвящался, кроме первых лиц государства, лишь ограниченный круг высших чинов Адмиралтейства. «Замыслы были в самом деле огромные. Войновичу поручалось основать на восточном берегу Каспийского моря коммерческое селение для распространения нашей торговли до самой Индии. Предполагали для этого найти удобный остров... Но Вой-

нович, подойдя к [острову] Огурчинскому, увидел, что этот низменный, песчаный остров вовсе неспособен для селения, и потому решил основать селение на берегу Астрабадского залива – место без сомнения самое удобное. Но Астрабадом и Мазандераном тогда независимо правил Ага Магомед-хан – будущий шах Персии. Граф Войнович успел хлопотать у него дозволение основаться на берегу Астрабадского залива, и, под видом безопасности от туркмен, выстроить ретраншмент, вооружив его 18 пушками, снятыми с фрегатов и ботов, внутри сделал из тростника казарму, госпиталь, баню, амбар и несколько домиков: для причала гребным судам построил пристань на 50 сажений длиною. Все шло хорошо. Войнович нашел даже на первый случай и нескольких армян, которые обещали поселиться здесь. Оставалось только поднять на батарее русский флаг; на это ожидали приказания Потемкина. Потемкин был совершенно согласен и даже приготовил герб для нового селения...»².

Как видно из документа, деятельность экспедиции Войновича на Каспийском море находилась под непосредственным контролем со стороны первых лиц Российского государства, в частности, всесильного фаворита императрицы Екатерины II светлейшего князя Григория Потемкина. «Торговля с Персией, Индией, Бухарией, Хивой, Балхом, Бадахшаном, Тибетом и Кашмиром казалась такою возможною, так обольстительно выгодной. Но мечты скоро развеялись...»³. Действия российской военной эскадры у персидских берегов привели к конфликту с властями Персии, как тогда назывался Иран. «...Персиане, не понимая, что для успехов торговли необходимы крепости, стали беспокоиться, и Ага Магомед, чтобы разом покончить все сомнения, приказал одному из начальников близких деревень пригласить Войновича в гости, захватить... Так и сделали. Войновича захватили 15 декабря, со всеми бывшими с ним командирами судов, когда они по приглашению прибыли к персианам на праздник совершенно безоружными. В то же время взяли 50 служителей, бывших на работе. Войнович, посаженный в кандалы и угро-

жаемый мучительной смертью, согласился на требование персиан, – скрыть крепость, которую они пытались и не могли овладеть силою, и послал с этим приказанием одного из своих офицеров. Свой не геройский поступок Войнович оправдывал тем, что укрепление на матером берегу отстроилось не по приказанию начальства, велевшего выбрать для этого какой-нибудь остров по своему распоряжению. Крепость разломали, пушки перевезли на суда, и Войнович со своими офицерами и командой были освобождены. Ага Магомед-хан после извинялся в своем поступке, утверждая, что он должен был решиться на это по представлению своих соседей и подданных, даже предлагая вновь строить укрепление. Войнович в следующем году воротился в Астрахань и блестящие помыслы... были оставлены. Памятниками пребывания Войновича в Астрабадском заливе осталось изрытое урочище, где был стан русских, и название косы, закрывающей залив – коса Потемкина. Это древняя история Астрабадского залива...»⁴.

В одном из документов главная ответственность за провал этой экспедиции возлагается на Потемкина. «Астрабадский залив памятен в нашей истории по неудачной попытке князя Потемкина основать здесь коммерческое селение, потому что всем делом распоряжался он»⁵. Тем не менее, хотя и не удалось основать в 1781 г. российское военное укрепление и торговое поселение у берегов Персии, уже к началу XIX в. русские осуществили «учреждение здесь постоянного крейсерства наших судов»⁶. К этому времени, после победы в русско-персидской войне 1804–1813 гг., согласно условиям мирного договора между Россией и Персией, только Россия имела право иметь на Каспии военный флот.

Преобладающее влияние Российской империи на Каспийском море и большей части прилегающего к нему побережья в первой половине XIX в. не вызывало сомнений. Хотя еще продолжалась Кавказская война, все побережье Кавказа вплоть до берегов Персии находилось под российским контролем, чьи власти запретили плавание по Каспию крупным судам закавказских ханств – «бакинского, занзилинского и талышского»⁷. То же можно сказать о северо-восточном Прикаспии от Астрахани до полуострова Мангышлак и побережья Туркмении. Значение Каспийского моря и Прикаспийского региона для России обуславливалось тем обстоятельством, что через Каспий в основном снабжалась продовольствием русская армия, которая уже десятилетия вое-

вала на Кавказе, и производилась переброска войск кораблями Каспийской военной флотилии на театр военных действий. Так, в документе от 1818 г. речь идет о перевозке больных и раненых из военного госпиталя на побережье Кавказа в Астрахань⁸. Важен был этот регион для России и с экономической точки зрения. Освоение богатых рыбных ресурсов Каспийского моря, тюленьих промыслов и развитие рыбной промышленности, появление первых нефтяных разработок требовали присутствия здесь русской военной силы, поскольку деятельность русских рыбопромышленников встречала противодействие со стороны народов восточного побережья Каспийского моря – казахов и особенно туркмен. Впрочем, и между этими близкородственными тюркоязычными народами отношения также не всегда были безоблачными, что подтверждают материалы РГА ВМФ «о грабежах между прикаспийскими киргизами (казахами. – А.К.) и туркменами»⁹. Но отношения русских с этими народами даже в этот напряженный период, изобилующий нападениями друг на друга, характеризуются не только конфронтацией. Документы показывают, что к 19 января 1803 г. в астраханский порт вернулась яхта «Мария» «после доставки туркменского посольства, бывшего при высочайшем дворе»¹⁰ (императора России. – А.К.).

Главной военной силой Российской империи на Каспийском море тогда была Каспийская военная флотилия, чьи базы, именуемые в документах XIX в. станциями, основными из которых были Астрабадская и Бакинская, и посты были размещены по всей акватории Каспийского моря. Одним из них был пост на острове Ашуреде: «Остров Ашуреде, при котором имеют приют суда Астрабадского отряда, занимает около одной версты в длину и до 100 сажень в ширину. Выбор этого острова, в стратегическом отношении, сделан весьма удачно, но нельзя этого же сказать в других отношениях...»¹¹. Контроль над Астрабадским заливом имел не только важное военно-стратегическое значение, но и экономическое, поскольку способствовал развитию торговых отношений России с государствами Центральной Азии и Ираном. «Астрабадский залив еще мог бы быть полезным для торговли с Хивой, куда караванного пути отсюда дней 20, а также с Бухарой, через Мешед (иранский город Мешхед. – А.К.), но участь этой торговли должна зависеть от участи нашей торговли в Мазандерани...»¹². В то же время в документах отмечается, что эта цель пока не достигнута и

поэтому «до сих пор торговля в Астрабадском заливе главнейше производится между туркменами и персианами. Первые привозят нефть и соль, выменивая эти товары на пшено, табак и ткани, иногда приходят маленькие караваны из Хивы»¹³.

Функции по обеспечению национальной безопасности России на каспийских рубежах были прерогативой в первую очередь Морского ведомства, но не обходилось и без участия сухопутных сил Военного министерства, о чем свидетельствует докладная записка от апреля 1856 г. «О передаче госпиталя в Астрахани из Сухопутного в Морское ведомство», где говорится, что в Астрахани тогда находилось «6 тысяч морских чинов против 3 тысяч сухопутных»¹⁴. Было налажено регулярное патрулирование военных кораблей Каспийской флотилии или крейсерство, как это тогда называли. И в этом была необходимость. Задачи крейсерства четко сформулированы в письме российских властей жителям персидского города Астрабада: «...Русское крейсерство имеет целью покровительствовать торговле против пиратов, и положить конец грабежам, какие прежде безнаказанно производились на берегах самой Мазандерани..»¹⁵. Как свидетельствует архивный документ, было учреждено «в 1803 г. и до 27 октября 1857 г. крейсерство для защиты рыбных и тюленьих промыслов в Эмбенских водах от кочующих по северовосточному берегу инородцев нападений на рыбопромышленников... Посылаются смотрители... с числом казаков... должны крейсировать в Эмбенских водах небольшие вооруженные суда... под непосредственным ведомством начальника Астраханской губернии... Для надзора за судами Северного отряда Каспийской флотилии, обязанного охранять рыбные и тюленьи промыслы от нападений киргизов (казахов. – А.К.), учредить морской пост в укреплении Ново-Петровском, начальнику коего подчинить все суда отряда, прибавить к находящимся в Северном отряде – трем курсовым лодкам, две малые шхуны, из коих одна будет занимать место бранд-вахты, в означенном укреплении, а другая крейсировать от сего места до Красноводска, предоставить в распоряжение отрядного командира... один пароход в 60 сил, углублением три фута... Суда, составляющие Северный отряд Каспийской флотилии, имеют назначение способствовать успехам рыбного и тюленьего промысла, охраняя ловцов от нападения киргизов (казахов. – А.К.), населяющих север, часть восточного берега Каспийского моря... Должно заметить, что со

времени учреждения Ново-Петровского укрепления в Мангышлаке обиды рыбопромышленников значительно уменьшились, но надзор со стороны моря еще не достиг до той степени, какую имеет в виду правительство»¹⁶. Маем 1823 г. датируется переписка с главнокомандующим русскими войсками в Грузии и на Северном Кавказе генералом А.П. Ермоловым о принятии мер предосторожности на случай нападений кочевников на рыбацьи суда, плавающие вдоль восточного побережья Каспийского моря¹⁷.

В 1834 г. из города Гурьева, расположенного в устье Урала при его впадении в Каспий, по распоряжению оренбургского военного губернатора была отправлена особо секретная экспедиция на северо-восточный берег Каспийского моря для устройства укрепленного поселения у залива Тюк-Карасу. В 1835 г. командир и команда 45-го флотского экипажа за участие в секретной экспедиции на северо-восточное побережье Каспия получили денежное вознаграждение¹⁸. Годом раньше из Гурьева отправился «отряд судов для крейсерства по карантинной части и борьбы с «хищничеством киргизов» (казахов. – А.К.) и «трухменцов» (туркмен. – А.К.) в Каспийском море»¹⁹. В 1836 г. В.А. Перовский, организатор русского похода на Хиву, доносил в вышестоящие инстанции Российской империи о набегах казахов в Прикаспии и предполагаемых действиях против них²⁰. В 1830–1836 гг. нападения казахов на русских рыбопромышленников на Каспийском море подвигли российские власти на принятие «мер по ограждению морского Эмбенского промысла от захватов»²¹. В 1845 г. из Астрахани и Новоалександровского укрепления на полуостров Мангышлак была организована перевозка материалов и обмундирования для русских военных постов, а из Гурьева – войск Отдельного Оренбургского корпуса²².

Однако не военные меры в конце концов смогли обезопасить русские рыбные промыслы от нападений «инородцев» северо-восточного побережья Каспия, т. е. казахов, а экономические. Путь переговоров и компромиссов, учета взаимных интересов обеих сторон привел к мирному разрешению конфликта, «когда, спустя время, рыбная промышленность, где год от году развиваясь и распространяясь у северо-восточного берега, указала промышленникам необходимость в устройстве зимовых пристанищ на этом берегу. Тогда промышленники стали сблизяться с теми инородцами, сходя с ними в сношения, и расположили их к

себе до того, что они нанимаются ныне в работы по промыслам и в последние 10 лет даже вовсе не было таких случаев необходимых, чтобы прибегать к вооруженной силе... а потому...крейсерство это... следует прекратить»²³.

Если с казахами, обитавшими на северо-восточном побережье, русским властям удалось прийти к соглашению и уже в 1847 г. их нападения прекратились, то с туркменами дело обстояло сложнее. Их нападения на русские суда стали особенно дерзкими с 28 ноября 1822 г., когда они взяли в плен шхоут «Святой Иоанн» и его команду²⁴. Страдали от туркменских набегов и персидские жители, поскольку «Астрабадский залив прилегает к границам Персии и туркменских кочевий. Персиане и туркмены с давнишней и непримиримой войной, взаимно поддерживаемой религиозной ненавистью (туркмены и персы придерживаются разных толков ислама, первые сунниты, а вторые шииты. – А.К.). Туркмены, поколения иомудов, занимая своими кочевьями восточный берег от Красноводского залива до Черной речки (Кара-су), падающей в Астрабадский залив, очень натурально считают Карасу своею границею с Персией. Но во мнении персиан эта граница должна быть по речке Гургене, падающей в море несколько севернее Черной, и туркмены, особенно туркмены племени Ерали, занимающие пространство между Гургенею и Карасу, подданные их; чего однако же туркмены вовсе не признают, и своими набегами беспрерывно опустошают границы Персии. На границе Черной речки всегда стоит лагерь персидских войск, оберегающих спокойствие Персии, почему здесь наезды не всегда удаются, – хотя и бывает, что удаются. Самым удобным местом для набегов оставались деревни по побережью Астрабадского залива, никем не защищаемые. Туркмены часто посещали этот берег на своих киржихах (плоскодонные лодки) и на Эмбенских лодках (большие и довольно острокильные) для мирной торговли и для грабежа, причем лучшую добычу составляли пленные, иногда довольно дорого выкупавшиеся...»²⁵. Документы свидетельствуют об учреждении в 1841 г. постоянного крейсерства у туркменских берегов: «Между тем беспрерывные просьбы персиан о защите и раздоры рыбопромышленников... заставили нас держать в Астрабадском заливе постоянно один бриг. В 1841 г. там занимал пост капитан-лейтенант Фофанов. Случилось, что со шхоута (большое мореходное, впрочем плоскодонное судно), стоявшего у туркменского берега, туркмены захватили несколько

персиан, русских подданных. Г. Фофанов, чтобы вынудить возвратить пленных, распорядился захватить каких-нибудь туркмен с лодки. Посланные им шлюпки без труда овладели двумя лодками, с находящимися в них людьми; но при нападении на третью, бывший наш унтер-офицер оплошал, накрененная кинувшимися на нее туркменами шлюпка перевернулась, двоих матросов убили, остальные едва спаслись, ранеными. Пленные были разменены, и все пошло мирно по-прежнему...»²⁶.

Борьба с туркменским пиратством на Каспии в это время связана с именем известного военного и государственного деятеля России XIX в. графа Евфимия Васильевича Путятина, впоследствии адмирала, министра народного просвещения, члена Государственного совета, генерал-адъютанта и дипломата, заключившего первый российско-японский и российско-китайский Тяньцзинский договоры. «В 1842 г. в бытность здесь капитана 1 ранга Путятина, туркмены задержали у себя купца Герасимова, не делая ему впрочем никакого насилия, а только требуя уплаты долга за соль и рыбу, которую он покупал у них, – долг, который Герасимов не признает, со своей стороны считая еще туркменами своими должниками. Числительные суммы с обеих сторон были довольно большие. Путятин, видя что туркмены не слушают его предложений о выпуске Герасимова, вошел с отрядом шлюпок в Гассан-Кули, где главное кочевье туркмен и принудил их выдать не только Герасимова, но и старшего сына Кият-хана – Якши-Мамета, который был ужасом персиан. Требовали еще их которых удалцов пугавших Персию своими набегами, или бывших на лодке, которая не поддалась шлюпке капитан-лейтенанта Фофанова, но их не было на месте кочевья, и жители были невластны над ними. Дело так и кончилось. До сих пор сюда назначают на станцию вместо одного два брига... один стоит в заливе у острова Ашура, а другой крейсирует вне залива. Лодки туркмен, приходящие для торговли в залив, прописываются на постовом судне и весьма ограничены в средствах нападения на Персидский берег. Жители береговых деревень отдохнули. Относительно нас туркмены хотя и были раздражены, но не стали высказывать неприязни, а ласкались по-прежнему»²⁷.

В 1843 г. поступил приказ «об охране берегов Астрабадского залива от набегов туркмен с помощью судов Астрабадской эскадры»²⁸. В 1850 г. туркмены в Астрабадском заливе сожгли коммерческое судно. В другой

раз «крейсера овладели двумя туркменами, которые самоуправно посягали на многих русских матросов. Один из этих пленников бросился в море во время бури в надежде достигнуть берега и утонул...»²⁹. В этой связи у россиян вызвала удивление позиция персидского губернатора Астрабада и слухи, распространенные среди жителей персидского побережья. «...Зложелательные люди старались распространить слухи, будто командир русских крейсеров умертвил пленного. Это недостойная клевета и... удивительно... нелепые слухи... подобные дела бывают только между варварами, а не у европейцев, у которых жизнь каждого человека священна... поведение Астрабадского губернатора Сулейманахана не совсем согласуется с дружелюбием... Во всяком случае убеждаю жителей Астрабада не верить этим клеветам... всегда видеть в русских крейсерах своих лучших защитников против туркменских разбойников, защитников, призванных собственно для безопасности подданных шаха, которые прежде были похищаемы и продавались как товар»,³⁰ – гласит обращение официального российского представителя к жителям Астрабада.

Однако, несмотря на предпринимаемые русскими властями меры, нападения туркменских пиратов продолжались. «...В марте 1851 года туркмены разграбили два судна торгового Астрабадского дома, в апреле того же года сделали нападение на остров Ашураде. Вследствие сего, 13 июня того же года по Высочайшей воле, как для исследования бывших с туркменами столкновений, так и для ограждения от нападений наших торговых судов, даны были командиру Астраханского порта и Каспийской флотилии особые наставления и командирован был в распоряжение контр-адмирала Басаргина, состоявший по особым поручениям при начальнике Главного Морского штаба капитан 1 ранга Краббе. Штаб-офицер сей, по распоряжению командира Астраханского порта и Каспийской флотилии, в июле 1851 отправился в Астрабадский залив. По прибытии своем на место, Краббе успел убедить старшин (туркменских) к выдаче захваченных туркменами пленных, и в обеспечение будущих миролюбивых к нам отношений туркмен взял со старшин их клятвенное в том обещание...»³¹.

Как видно из этого документа, русские власти стремились снимать обострения в российско-туркменских отношениях, используя предпочтительно дипломатические приемы, как в данном случае. Но это не всегда удава-

лось. Как сообщает этот же документ, «восстановление спокойствия было иногда нарушаемо интригами (туркменского) Черкес-хана, который был недоволен таковым решением дела. Он неоднократно пытался производить разбои и грабежи на море. Замыслы его были разрушаемы влиянием прочих старшин; однако в сентябре того же 1851 г. ему удалось отправиться на разбой к персидским берегам. Вследствие сего, шхуна Тарантул, посланная для его преследования, захватила одну туркменскую лодку, причем взяты в оной 4 туркмена. После сей неудачи, многие из партии Черкес-хана перешли к отряду, сам же Черкес-хан готовился на новые грабежи, и вскоре с 10 лодками приблизился к острову Ашире. Но, узнавши, что другие туркмены, которые изъявили нам покорность, получили от нас позволение посещать берега Персии, прибыл сам с семью лодками на отряд и объявил, что на равных с другими старшинами, готов содействовать к выдаче пленных и отвечать за поступки ему приверженных туркмен...»³². Здесь интересны факты, насколько важно было для туркмен поддерживать отношения с Персией, и позиция русских властей, не препятствовавших этим связям. «Но как вероломство Черкес-хана было обнаружено; причем найдено в его лодках скрытое оружие, то Черкес-хан был арестован и отправлен в Астрахань. Сия мера остановила дальнейшие замыслы туркмен партии Черкес-хана...»³³.

В другом документе более подробно повествуется об аресте Черкес-хана: «...из всех туркменских старшин, приведенных к покорности договором с ними большего в Астрабадских водах капитана 1 ранга Краббе, один лишь Черкес-хан, прибыв к нашему отряду с 7 лодками, под видом покорности, хотел, как предварили лазутчики, сделать нападение вооруженною рукою. Капитан-лейтенант Вендрих, найдя, что действительно в лодках Черкес-хана спрятано было и зашито в парусах разного рода оружие, арестовал его и на почтовом пароходе Ленкорань отправил его в Астрахань. Командир Астраханского порта спрашивает: какое распоряжение... относительно сего пленника? Несколько лет назад в Астрахань привезен был один из непокорных туркменских старшин и оттуда был отправлен на жительство в Воронеж. Буде и на удаление Черкес-хана во внутрь России последует высочайшее... повеление...»³⁴. Следует отметить, что на российско-туркменские отношения влиял персидский фактор и поэтому Черкес-хана «в Воронеж не стали посылать,